

Ровно в восемь сработал будильник — минусовка группы “Люмен” — и Данил резко, словно опаздывая в школу, поднялся.

В полумраке тесной кухни наощупь нашёл чашку и сковородку. Прямо за низким окном, занавешенным полупрозрачной шторкой, давно не стиранной, в едких пятнах, висел фонарь — свет от него доходил до кухни. В свете фонаря была видна немытая с вечера посуда, грязный пол, стол с порванной в нескольких местах клеёнкой, заставленный коробками и банками.

Данил старался не шуметь, чтобы не разбудить мать, но та всегда спала чутко и слышала всё, что происходило в их маленькой квартире.

— Даня, куда ты? — крикнула она через закрытую дверь своей комнаты.

— В институт, — буркнул он.

— В воскресенье? Зачем?

— Надо.

Данил услышал, как мама перевернулась на диване и отвернулась к стене. Он всегда отвечал ей односложно, и она, привыкшая к этому, ни о чём

не расспрашивала. Конечно, никакого института в воскресенье не было. Его вообще не было. Данил придумал подготовительные курсы, чтобы можно было уходить из дома, ничего не объясняя. Мама верила — и тому, что занятия так поздно, и тому, что бесплатно. Только однажды спросила:

— А почему тебя позвали на эти курсы? Разве ты хорошо учишься?

— Там всех звали, — махнул рукой Данил, — акция такая у них.

— А какой институт?

— Транспортный, — к этому вопросу Данил не подготовился, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову, — рядом тут.

Российский университет транспорта действительно был рядом, но Данил пожалел, что назвал именно его. Он был, как говорили в школе, слишком крутым. Но — что сказал, то сказал.

Чайник, старенький, со свистком, зашумел на газу, готовый вот-вот зашвистеть, но Данил успел ловко и быстро поднять его носик. Среди груды маминых бумажек, лекарств, газет, в беспорядке разбросанных на деревянном подоконнике, он нашёл банку с растворимым кофе. Затем разбил на горячую сковородку два яйца. Посмотрел на часы и заторопился. Съел яичницу прямо из сковородки, как делал всегда, пока мама не видит, залпом выпил уже остывший кофе.

— Недолго, — крикнула мама.

— Как пойдёт, — ответил Данил.

Включил на телефоне музыку, надел наушники — и, уже ничего другого не слыша, бегом побежал по лестнице.

Данил совсем невысокий и очень худой. Тёмные волосы он выбривает с одной стороны, оставляя свисающую набок чёлку, как у Егора Летова, хотя знает его песни только по современным перепевкам. Узкие джинсы он подворачивает до лодыжек так, чтобы торчали носки с ярко-жёлтыми смайлами, он носит белые кроссовки, на которые копил несколько месяцев, и чёрную толстовку с капюшоном.

Он сейчас идёт быстро, руки в карманах, сердце бьётся в такт музыке. На телефоне — новый альбом “Люмена”, и гремят барабаны. Под музыку Данил идёт ещё быстрее — она подгоняет, и сердце колотится, больно стучит в груди. Запись с концерта — слышны крики людей. Данил ещё не был на таком концерте, не прыгал в толпе, не кричал со всеми, но уже чувствует, как кровь начинает вскипать, и ему хочется бежать, бежать, куда — он и сам не знает.

Вдруг сквозь этот грохот Данил представил, как встаёт в квартире мама, как она идёт на кухню, моет за ним сковородку, чашку, про себя ругается: “Опять не допил кофе, придётся выливать, а он стоит денег. И заварил слишком крепкий, сердце посадит. Ел без тарелки — безоблюдник! Оставил везде крошки...” Нет, за крошки не станет ругать. Просто соберёт их тряпкой.

Завибрировал телефон — пришло сообщение.

“Ну, чего, удалось свалить из дома?”

“Я же сказал, что смогу”, — быстро написал на ходу Данил.

“Давай у метро. У палаток”.

Данил познакомился с этим парнем в одном из пабликов “ВКонтакте” и даже не знал, как его зовут и как он выглядит. Он скрывался под ником, а вместо фотографии — маска Гая Фокса.

На улице потихоньку стало рассветать. Маршрут знаком — мимо школы, в которой он учится уже десять лет, мимо старого полуразрушенного дома, где по утрам курит перед уроками и встречается с Олей, мимо длинного торгового центра с огромными рекламными цитами. Он открывался только в десять, поэтому людей почти не было. Только круглосуточный магазинчик с цветами работал. Продавщица выбрасывала завядшие за ночь букеты — её смена заканчивалась. Она сбрасывала цветы в большой мешок, и они валялись теперь в одной куче — розы, тюльпаны, лилии. Некрасивые, мятые и ненарядные, как люди вечером, после работы, когда плетутся домой.

“Надо было взять кастет”, — подумал Данил.

Кастет он недавно купил на Савёловском рынке. Купил просто так, потому что красивый и удобно ложился в руку. С тех пор он лежал в ящике стола — секретном месте, куда мама не заглядывает. Данил всегда туда прятал то, что скрывал. В начальной школе — тетради с плохими оценками, в средней — сигареты, теперь вот — кастет. Его он ещё ни разу не брал с собой, но сейчас подумал, как бы круто он смотрелся в руке, особенно, если скидывать руку вперёд, словно в приветствии.

Он уже спустился в метро, как его вдруг обожгла мысль — никто сейчас не знает, где он, ни один человек, и если что-то случится — его никто не найдёт. Поезд с грохотом вынырнул из тоннеля, остановился и поглотил людей, стоявших на станции. Данил был среди них.

Через сорок минут он вышел из стеклянных дверей на улицу и встал около палатки с пирожками. Неприятно пахло сыростью, дешёвой едой, восточными специями. Кругом было очень шумно: сигналили маршрутки, стояли в нестройном ряду такси, раздавалась ругань — таксисты не могли поделить клиентов, выясняли отношения. Крытые лотки были разбиты прямо на улице.

— Это ты Данил? — к нему подошёл незнакомый парень, казавшийся намного младше. — Я Дима. Есть курить?

Данил поискал по карманам.

— По ходу дома забыл.

— А деньги?

— А тебе продадут? — парню на вид было лет четырнадцать.

Данил нашёл в рюкзаке сто рублей мелочью, и парень скрылся в небольшом магазинчике.

Толстая некрасивая женщина в тёмно-зелёной форменной куртке, поверх которой была накинута шерстяная кофта, продавала газеты на улице. Она сидела на больших коробках, словно на троне, а рядом с ней, на прилавке, были неаккуратно разложены яркие журналы. Продащица ела сосиску в тесте, какие продавали рядом, и пила кофе из маленького пластикового стаканчика. Прямо над её головой висели старые журналы — выцветшие, обёрнутые в пакеты — их можно было купить за полцены.

Данил отвернулся. Димы не было, и он уже решил, что тот его кинул.

— Зажигалка есть? Я не стал брать. Не хватило, — Данил обернулся — парень протягивал ему пачку “Винстона”.

Закурили.

— Что-то стрёмно идти туда. — Данил усмехнулся, чтобы казаться храбрее.

— Первый раз, что ли? Да ладно, всё нормально будет, — Дима похлопал его по плечу. — Главное, если что — беги. Сваливай с главной улицы и петлей между домами. Только в подъезды не прячься. У меня друг как-то забежал, звонил во все двери — никто не открыл. В итоге ему чуть срок не дали.

Перешли улицу молча. Данил прокручивал в голове то, что услышал за эти пять минут. Это было больше, чем за всю его жизнь.

— Нам туда, — Дима показал на толпу посреди дороги.

Вся улица была заполнена людьми. Данил никогда не видел столько. С одной стороны стояли полицейские в форме, берцах и касках, которые Дима называл “шарами”. Стояли плотным рядом — чёрные и мрачные.

— Это ещё мало! — весело ответил Дима. — Вот если бы на Маяковке было — до самого Кремля бы растянулись.

Ему явно всё это нравилось. Он хотел побыстрее попасть внутрь — к людям, к плакатам, к лозунгам, но нужно было ещё пройти через металлоискатели. Данил открыл рюкзак, полицейский обшарил его, осветил фонариком, достал паспорт, зачем-то пролистал его, бросил обратно на дно рюкзака.

— Подними руки! — велел отрывисто.

Данил послушно поднял. Ощутимо больно ему прошлись по рёбрам и спине.

— Пряма как обыск, — сказал Данил и посмотрел на полицейского.

Тот был очень высокий и большой, как гора. Огромная куртка и тяжёлые ботинки делали его ещё выше и больше. Казалось, ничто не может противостоять ему, и Данил с ужасом подумал — вдруг ему придётся убежать от такого, как этот, может быть, даже драться с ним.

Они с Димой встали с краю около заграждения. Люди вокруг молча держали свёрнутые плакаты. Данил поднялся на цыпочки, попытался рассмотреть, что впереди, но видел только спины людей. А люди продолжали приходить. Приходить и приходить. Проходить сквозь кордоны полиции, металлоискатели, молча вставать рядом с другими. Данила уже зажали с одной стороны, и он прижался теснее к заграждению. Дима, точно шенок, вертелся вокруг себя, вставал на мысочки, подпрыгивал. Он хотел вперёд — в самую толпу.

Данил обернулся назад, туда, откуда они только что пришли. Входа уже не было видно — везде чьи-то лица и спины. Ни конца, ни начала толпе. Казалось, двинуться было невозможно ни вперёд, ни назад. Все стояли мрачные, молчаливые, напряжённые. Ни одной улыбки, точно пришли на похороны. И он был среди этих людей. Ему стало страшно. А вдруг его раздавят в этой толпе? Вдруг он не выберется из неё? Стало вдруг трудно дышать, ему захотелось вырваться, подняться над толпой и посмотреть на неё сверху, но это было уже невозможно. Люди прибывали и прижимали его теснее к заграждению.

Там, за заграждением, в ряд стояли полицейские, и была уже другая улица. А здесь — плотная жаркая толпа. Данил попытался сделать шаг в бок, случайно задел полицейского и вздрогнул. Это был человек по другую сторону, и он не внушал уверенности, только страх, потому что сегодня он пришёл сюда защищать не их, а защищать от них ту улицу, которая казалась уже такой далёкой.

— Не бойся, — Дима казался увереннее.

— Я не боюсь, — ответил Данил.

Вдруг над толпой загрела знакомая музыка. Люди немного ожили. Кто-то рядом с Данилом стал подпевать, кто-то качался в такт, словно они все были на концерте, а не на митинге. Толпа зашевелилась — люди стали разворачивать листовки.

Плакаты взмыли вверх, и музыка гремела над улицей и над толпой.

— Перемен! — кричал Дима. — Перемен! Мы ждём перемен!

Люди размахивали в такт флагами. Это были реальные люди. Не люди из новостей или передач. И их было много — улица не вмещала всех.

Один плакат особенно бросался в глаза. Маленький белый лист бумаги, на котором большими чёрными буквами, словно повторяя слова песни, было написано:

“МЫ ХОТИМ ПЕРЕМЕН!”

Плакат тоже качался под музыку.

Вдруг толпа пришла в движение. Словно по команде она двинулась вперёд, и Данил вместе с ней. Люди кричали лозунги: “Мы здесь власть!”, “Посчитайте нас!”.

Данил озирался вокруг в поисках хоть какого-то свободного места — ему было трудно дышать. Но везде стояли, шли, кричали люди.

Вдруг на секунду наступила тишина, словно передышка между перестрелками, когда противники одновременно перезаряжают оружие. Потом кто-то громко крикнул:

— Россия будет свободной!

Этот крик прозвучал так страшно над тишиной огромной толпы, что все поневоле вздрогнули и посмотрели друг на друга. Потом крикнули ещё:

— Россия будет свободной!

Потом ещё. Ещё и ещё. Вся толпа закричала в один голос, в один момент.

— Россия будет свободной! Россия будет свободной!

Застучали в ладоши — три раза под каждое слово — Россия! Будет! Свободной!

Одно слово — один хлопок. “Россия! Будет! Свободной!” — раскатывались по толпе, точно эхо в горах.

Дима тоже кричал, и Данил стал невольно повторять за ним. Сначала тихо, потом громче и громче. Его страх вдруг прошёл, и ему стало хорошо в этой толпе, среди незнакомых людей. Толпа развернулась, как по неслышному приказу, и пошла к полицейскому заграждению, скандируя. Туда, где стояли металлоискатели, и куда идти было уже нельзя. Данил пошёл вместе с ней.

— Началось! — крикнул восторженно Дима.

— Что началось? — спросил Данил, но ему уже никто не ответил.

Его сердце радостно, но больно забилося — от музыки, от людей, от слов, которые теперь постоянно звучали в его голове, от этого движения, от того, что он был теперь частью этого движения. Он шёл и кричал, пока не уперся в полицейский кордон. Дальше — спокойная улица и обычная жизнь. Дальше идти так — с криками и плакатами — нельзя. Он резко остановился и в упор посмотрел на людей в чёрной форме.

Полицейские ничего не говорили. Они тупо и устало смотрели на происходящее. Казалось, они сами хотят оказаться по другую сторону города, где ничего этого нет. Там, где тихие дома, мирный свет в окнах, машины ездят, люди ходят, собаки лают. Данил обернулся назад — толпа шла, скандируя: “Россия будет свободной!”

Полицейские напряжённо, но уже привычно, без суеты, начали вставать теснее по периметру заграждения, образуя чёрный квадрат. Данил развернулся и пошёл в сторону кричащей толпы.

— Как в институте? — мама ещё не спала, когда Данил, наконец, добрался до дома.

— Нормально, — соврал он. — Потом ещё в магазин поехал. Короче, долго получилось.

Мама никогда не засыпала, если его не было. Она ждала. Лежала у себя в комнате без света, смотрела на экран телефона.

— Ты ходи. Может, тебя возьмут на бесплатное.

— Да не знаю. Там сложно всё.

— Ну, кому-то же везёт.

— Кому-то везёт, — повторил Данил.

Мама вздохнула.

— Там курочка есть с макаронами. Погреешь?

Мама всегда оставляла еду ему на столе, среди своих лекарств, газет, телепрограмм, которые она тоже оставляет, чтобы не забыть выпить, прочитать, посмотреть. Но всегда забывает. Телепрограмма... Данил раздражённо взял одну.

— Зачем их только печатают. Никто и не покупает уже, — он швырнул в сторону, прямо на пол.

— Нам бесплатно дают, — оправдывается мама.

Но она покупала их и отмечала ручкой, что надо посмотреть, хотя никогда не смотрела. Некогда.

— Тебе погреть? — мама крикнула уже из комнаты.

— Не, я сам.

Значит, будет есть холодное. Мама знает это, но не встаёт. На работу рано. Каждый будний день она ездит в Балашиху. Сначала на метро, потом на электричке, а там на маршрутке. Дорога занимает два часа, а на работу к девяти утра.

— Мам, — Данил постучал в комнату, — ты не спишь?

— Засыпаю. А что? — голос уже сонный.

— Ничего. Просто.

Данил приоткрыл дверь и заглянул. Маленькая комнатка — чуть больше, чем у Данила. Тишина и темнота. Только часы тикают. Около стены — диван с мягкой простыней. Рядом с диваном — стул с горой вещей. Полуоткрытый шкаф со сломанной дверцей, которую надо починить, но всё некогда. Старые картины на стенах, которые мама покупала, когда ещё ходила в музей. Всё это знакомо Данилу, но сейчас он как будто заново это увидел.

— Посмотри, у меня вчера будильник не сработал, — попросила мама.

Данил взял мамин телефон, простой, даже без выхода в интернет — их сейчас называют бабушкафоны. Повертел его в руках — экран целый, только кнопочки немного стёрлись. Завёл будильник на шесть утра и отдал обратно.

Потом пошёл в свою комнату. Сел на разложенный диван, который никогда не собирал, и огляделся. Обои, которые он помнит ещё с детства, в коричневый ромбообразный узор, рябили в глазах. Стол с обломанными углами, который вместе с отцом тащили от родственников. Компьютер, который купили, когда отец ещё был жив. Он всегда включён. Мигает сообщение.

“Спокойной ночи”, — от Оли.

“Спокойной ночи”, — машинально пишет он в ответ.

“Завтра увидимся. Целую”, — и много-много смайлов.

Данил долго сидел и смотрел на мигающий экран, а видел тех людей, которые были сегодня на митинге, и слышал лозунги. Хотелось курить, но мама могла почувствовать дым. Лёг, не раздеваясь, и тут же уснул. Потом погас экран на компьютере — и сегодняшний день исчез.

2

Утром Данил всегда встречался с Олей около заброшенного дома, который находился рядом со школой, но немного в стороне, поэтому можно было не бояться, что их кто-то увидит, но при этом не опоздать в школу. Дом был белого цвета, поэтому его так и называли — Белый дом. Он был двухэтажным и таким ветхим, что, казалось, вот-вот развалится. На первом этаже окна были забиты или разбиты, но на втором горел свет, значит, люди там всё-таки жили. По всему корпусу виднелись крупные трещины. Вечерами этот дом наводил ужас, но утром это была обычная развалюха.

— Ты чего так долго? Опоздаем же. — Оля всегда приходила немного раньше Данилы.

Она не любила опаздывать в школу, особенно по понедельникам, когда на первые уроки приходил их классный руководитель.

— Успеем! Пойдём, посидим пять минут! — улыбнулся Данил и обнял девушку.

Во дворе стояла лавочка — крашеная-перекрашенная, но гораздо целее и новее, чем сам дом. Данил полез за сигаретами и машинально достал две пачки. Тут же вспомнил, что вчера одну купил Дима.

— Откуда две? — спросила Оля.

— Вчера купил зачем-то.

— Ты же говорил, что дома будешь.

— Да курить захотел. А сам пачку дома забыл. Не возвращаться же!

Пришлось купить.

Данил и сам не знал, почему врал Оле. Почему не рассказал ей, где был? Только чувствовал, что есть вещи, о которых он не мог ей рассказать. И это — одна из них.

Закурил. Теперь пять минут можно было спокойно посидеть, расслабиться и не торопиться. Данил сел на лавочку и положил рядом рюкзак. Оля села ему на колени и обняла его. У неё были красивые длинные светлые волосы, которые она обычно собирала в хвост, открывая высокий лоб. Данил никогда не говорил ей, но ему нравились её волосы: нравилось и то, как они лежат, и то, как от них пахнет, и то, как они слегка касаются его лица. Такого приятного запаха он не чувствовал ни от кого. Запах Оли был особенный, к нему хотелось прикоснуться, и Данил ловил себя на мысли, что он старается каждый раз подойти к ней поближе, чтобы ещё раз почувствовать её запах, вдохнуть его и запомнить.

Данил курил в сторону, чтобы не дымить на Олю, а она прижималась к нему всё сильнее. Была уже половина девятого — время начала уроков, — но идти не хотелось. Хотелось сидеть так весь день.

— Вчера отец приезжал, — сказала Оля и сразу погрустнела.

— Опять загрузил? — Данил напрягся. Он не любил отца Оли, а тот не любил его.

Он считал, что такой, как Данил, не пара для его дочери, она достойна лучшего, ему никогда не стать успешным и богатым, и он вряд ли сможет дать Оле всё то, к чему она привыкла. В этом Данил был согласен с её отцом — их семьи совершенно разные, — но Оля ему нравилась и уступать её никому он не собирался.

— Про тебя говорил. Спрашивал, вижусь ли я с тобой.

— А ты что?

— А что я? Я сказала, что вижусь в школе. Вообще, это не его дело. Приезжает раз в месяц и хочет всё контролировать.

— Но ты не сказала ему, что это не его дело?

— Как я такое скажу? Нет, конечно!

— Ясно!

Данил докурил, движением пальцев отбросил окурок подальше от себя и встал. Наступил белыми кроссовками в грязь и выругался.

— Вот блин, теперь не отмоешь! — Он хотел отряхнуть их рукой, но бросил — всё равно так не ототрёшь. — Надоел этот свиарник везде.

— Ты что, не в настроении? — Оля попыталась его обнять. — Из-за отца расстроился? Да брось ты. Мне его мнение неважно.

— Но ты же ему не сказала это?

— Я просто не хочу с ним ссориться! Какой смысл? Его не переделаешь.

— Как он вообще может что-то тебе говорить? Приезжает раз в год!

— Вот поэтому и я не говорю ему ничего. Он в этот раз вообще спросил, куда я поступаю. Он даже не знал, что я только в десятом!

— Ладно, всё нормально. Я не выспался просто. Плевать. Пора идти, — Данил оттолкнул Олю и пошёл вперёд.

— Почему ты всегда так быстро заводишься? Тебе ничего рассказать нельзя! — Оля шла следом. — Я тебе не буду больше ничего говорить.

Данил закурил по дороге ещё одну сигарету.

— Ты что! Увидят же!

— Мне плевать, — процедил он и пошёл быстрее.

Оля еле поспевала за ним — она была в узких джинсах, кожаной курточке и в туфлях на высоких каблучках. Данил обычно брал её за руку и шёл, обходя лужи, но сегодня он словно специально наступал в грязь, всё сильнее пачкая свои и без того уже испачканные кроссовки.

На урок они всё-таки опоздали. Классный руководитель уже стоял в дверях.

— Давайте на места, — прикрикнул он.

Оля не попрощалась и побежала дальше по коридору — в свой кабинет, — а Данил сел за парту и достал телефон. Тут же открылась ссылка на новости. “Несколько тысяч человек пришли на антиправительственный митинг в Марьино”. Под статьёй фотография — море людей и плакаты.

— Что это? — сосед по парте заглянул через плечо.

— Да фигня всякая. — Данил выключил экран.

Ему не хотелось говорить об этом. Казалось, что никто не поймёт. Он вспомнил вчерашних людей. Они все были разные, с разных концов Москвы, но их всех что-то объединяло. А он сидел здесь, в этом классе, в котором проучился почти одиннадцать лет, как чужой, он никому не мог бы показать это фото в своём телефоне. Он огляделся вокруг. Все были заняты своими делами. Кто-то списывал домашнюю работу, кто-то копался в планшете, кто-то спал.

Прозвенел звонок. Данил встал около своего места, приученный к порядку за столько лет. Все стояли сонно, безразлично глядя перед собой, но ровно, как привыкли. Вдруг он заметил прямо перед глазами, над доской, портрет президента. Он не замечал его раньше, а сегодня тот как будто смотрел только на него, и Данил не мог отвести взгляд. Президент смотрел так пристально и подозрительно, будто Данил в чём-то провинился.

Первый урок всегда проходил быстро, а на перемене опять зашла Оля. Она села на парту напротив и положила ногу на ногу. Данил невольно любовался ею и заметил, что не он один.

— Пойдём на подоконник? — позвала Оля.

Они всегда там встречались между уроками, но сегодня Данил не хотел никуда идти. Его почему-то раздражало, что все смотрят на Олю и что она не стесняется этого, а, наоборот, показывает всем, какая она красивая.

— Перемена маленькая, — ответил он. — Не успеем.

— Иногда с тобой невозможно общаться. — Оля обиделась, слезла с парты и ушла, стуча каблучками.

Данил опустил голову на руки и закрыл глаза.

Сосед толкнул его в плечо:

— Ты какой-то мутный сегодня.

— Отстань!

Начался второй урок. Все опять встали, и портрет снова появился перед глазами, потом скрылся за чьей-то головой, и всё вокруг опять казалось обычным и сонным.

На большой перемене Оля не вышла. Данил ждал её около школьного музея, в закутке, где обычно они встречались, но её не было. Он ходил взад-вперёд вдоль закрытых дверей музея и ждал. Достал телефон и включил музыку. Заиграла медленная песня — длинный проигрыш на клавишах и знаковый голос.

— Опять свою ерунду слушаешь? — кто-то выдернул наушники.

Музыка резко оборвалась. Прямо перед ним, загораживая проход, стоял высокий одноклассник Оли. Она говорила, что тот предлагал ей встречаться год назад и до сих пор иногда пишет.

— Что надо? — Данил убрал телефон.

— Олю ждёшь? Не пришла?

— Тебе-то что?

— Поругались?

— Не надейся.

Он не уходил, словно хотел что-то сказать. Данил прислонился к двери музея. За тёмными окнами висели старые советские военные плакаты.

— Я хотел спросить про Олю, — начал он.

— Что? — Данил напрягся.

— Ты уверен, что подходишь ей?

— Слушай, отвали, — разозлился Данил.

Он хотел пройти, но тот был выше и крупнее и по-прежнему стоял в проходе. Минуту они смотрели друг на друга, как два быка, встретившиеся на арене.

— Слушай, — сказал опять он, — она тебя всё равно кинет...

— С чего вдруг?

— Ну, сам подумай. У тебя же нет ничего. Думаешь, на что они все ведутся? На бабки. А у тебя их нет.

— Я тебе говорю — отвали. Это вообще не твоё дело. — Данил сжал наушники в кулаке.

— А ты знаешь, что я теперь с её отцом работать буду? Он меня берёт в свой бизнес. Он новый фитнес-клуб открывает, и я буду там управлять всем. Оля тебе говорила?

— И что? — Данил подошёл вплотную к нему и плюнул прямо под ноги. — Думаешь, тебе теперь все должны? Лучше отвали от меня.

— Или что?

Данил посмотрел на него, ничего не ответил и ушёл.

В классе написал Оле смс, но она не ответила. После школы тоже к нему не вышла. И телефон её не отвечал.

3

На следующее утро, когда Данил один, без Оли, которая почему-то опять не пришла, стоял у Белого дома, ему написал Дима:

“Свободен сейчас?” — его ник в “ВКонтакте” был уже таким знакомым.

“А что?” — Данил даже обрадовался, будто они вместе прошли длинный и опасный путь.

“На акцию сходить можно”

Данил замер. Про политические акции он читал, но ещё ни разу не видел их своими глазами. Он знал, что людей на акциях арестовывают, штрафуют, что приходится ругаться с полицией, убегать, а потом фотографии с таких акций мелькают в интернете.

Данил не отвечал, не знал, что делать. Через пятнадцать минут уроки. Он смотрел в ту сторону, откуда должна была прийти Оля, но её не было. Он постоял немного, покурил и написал Диме:

“Где и когда?”

“На Чистых. Через полчаса”.

На Чистых прудах всегда людно. Особенно сейчас, в час пик — люди бегут на работу и ничего не замечают. Дима стоял в центре зала не один — рядом с ним девчонка с яркими красными короткими волосами, стоящими торчком острыми шипами, она что-то писала в телефоне и даже не посмотрела на Данила.

— Нам наверх, — быстро скомандовал Дима.

Когда вышли из метро, он достал сигареты и протянул всем. Закурили молча. Данил косился на девчонку с красными волосами, но та надела капюшон от толстовки, почти полностью скрыв лицо, и по-прежнему не произнесла ни слова. Они пошли по аллее мимо пустых лавочек, небольших прудов. Данил здесь раньше не был, хотя это не так далеко от его дома — всего четыре станции на метро.

Он вообще ещё мало где был. Свой район, конечно, знал. Этот район все называли “неблагополучным” — рядом магазин “Метро”, склады, бывший завод, где работал когда-то давно отец, а теперь — вечная стройка, железнодорожные пути, около которых всё время сидят бомжи. Ничего больше Данил пока и не видел, и сейчас ему не верилось, что всё это происходит с ним, не верилось, что он идёт за Димой и молчаливой девчонкой, скрывающей от всех своё лицо. Куда?

Остановились у незнакомого памятника. Дима достал из спортивной сумки, которую нёс, три белые футболки и стопку листовок. На футболках чёрным цветом была большая надпись — на одной стороне “Я НЕ БОЮСЬ”, на другой — “ГОВОРИТЬ ПРАВДУ”.

— Значит, план такой. Надеваем футболки, берём листовки. Расходимся по разным концам бульвара. Я — к метро. Ты — в другую сторону. Алёна — к тем домам.

“Значит, её зовут Алёна”, — невольно подумал Данил.

— Задача — раздать как можно больше материала. — Продолжал Дима. — Раздал — возвращаешься к памятнику. На всё примерно два часа. Встречаемся здесь. Понятно?

Данил скинул толстовку, надел белую футболку прямо на чёрную водолазку.

— Ничего? — спросил.

— Нормально!

Футболка была немного велика, и из неё торчали длинные рукава, а прямо на груди чёрная надпись — “Я НЕ БОЮСЬ”. Данил разгладил надпись, чтобы была виднее. Алёна сняла кофту и оказалась очень хрупкой девушкой в яркой майке. Она быстро надела футболку, кофту повязала на поясе, профессионально отсчитала себе нужное количество листовок и, не говоря ни слова, пошла к домам, куда указал ей Дима.

— Кто это? — спросил Данил, когда она ушла.

— Девчонка из бессрочного протеста. — Дима махнул рукой.

Толстовку убрали в сумку, и Дима повесил её на плечо.

— Теперь самое главное, — сказал он. — Чтобы ни происходило — друг к другу не подходим. Лозунгов не выкрикиваем. Ни с кем не говорим. На провокации не ведёмся. Если будут заговаривать — отходим на сто метров. Если не отстают — снимаем футболки и возвращаемся. Ментов видим — стоим спокойно. Подойдут — говоришь: “У меня одиночный пикет, согласования не нужно”. Но если будут возбужать — не возражаешь, идёшь с ними, отсидиваешь в обезьяннике два часа, потом валишь домой. Они свя-

зывать с малолетками не будут — поугаюют только и отпустят. Запомнил?

Дима был очень серьёзен. Казалось, он даже стал взрослее и смелее. Он, наверняка, мог бы пойти и один на этот пикет, а Данил бы на такое ни за что не решился.

— А почему мы не можем пойти вдвоём? — спросил он.

— Потому что пикет одиночный. Двое — уже митинг. А за это — уловка. Поэтому стоим по одному и не шумим. Всё понятно?

Данил слушал и не верил, что он здесь. Одиночный пикет... Уголовка... Менты... Обезьянник...

— Понял. Не кричать, не говорить, не ходить, по двое не стоять.

— Точно! Сверим время.

Достали телефоны. Было десять часов.

— В двенадцать жду здесь. Давай ещё по одной.

Достали сигареты. На этот раз угощал Данил.

— И ещё, — добавил Дима. — Если заберут — друг друга не выдаём. Никого не знаю, никого не видел, никого не помню. Сообщения мои из "ВК" удали по дороге. Всё, пошли. — Дима бросил окурок.

Данил неуверенно пошёл к прудам.

— Не бойся, — крикнул ему Дима.

— Я не боюсь.

Это была неправда.

Данил медленно шёл вдоль прудов. Он встал в конце бульвара — и просто стоял, держа в руках листовки, ещё не решаясь начать их раздавать. Ему казалось, что все вокруг смотрят только на него, но люди бежали мимо. Где-то маячили полицейские, но они тоже не обращали на Данила никакого внимания. Он сел на бордюр. Было холодно — начинались октябрьские короткие дни. Данил достал телефон — пришло сообщение от Оли.

"Что делаешь? Почему не в школе? У нас скука. Химичка не уймётся. Достала уже. Ты где?"

"Сегодня не приду. А ты куда вчера пропала?" — написал в ответ.

"Да отец опять грузил вчера. Не могла вырваться. И сегодня до школы вёз".

Значит, они ещё вместе. Данил улыбнулся. Всё вокруг стало немного другим, и уже казалось странным, что он здесь. Как будто это не он, а кто-то другой. Что он здесь делает? Ещё раз посмотрел на листовку, потом на свою футболку. Вспомнил про Диму и Алёну. Набрался храбрости и встал. Нужно было довести дело до конца — он не привык отступать на полпути. Вытянул руку с листовкой.

Люди иногда оборачивались, что-то говорили друг другу, но шли дальше. Данил боялся сделать шаг и превратить свой одиночный пикет в шествие. Он продолжал стоять на одном месте и тут же замёрз без движения, но от страха не чувствовал ничего. Он ощущал себя революционером, о которых им рассказывали на уроках истории, и одновременно государственным преступником.

Какой-то парень, немногим старше Данила, подошёл к нему вплотную, так, что Данил вздрогнул. Дима чётко сказал — не говорить и не стоять по двое. А может этот парень — провокатор? Он читал про них. И как только Данил сдвинется с места и откроет рот — он тут же позовёт полицию. Данил сделал полшага назад и протянул ему листовку. Парень взял её машинально, безучастно просмотрел и сунул в задний карман джинсов.

Одна листовка была роздана. Осталось около ста. Людей прибавлялось — Москва спешила по делам — и листовки стали расходиться. По домам, офисам, школам. Кто-то фотографировал на телефон.

"Всё, я попал", — подумал Данил.

Но было уже всё равно. Он стал ощущать себя частью чего-то большого и важного. Он стоял сейчас один против целой системы. Через два часа зубы стучали от холода, а руки онемели. Осталось листовок двадцать. Данил убрал их в карман и пошёл к памятнику.

— Ну как? — Дима был уже там.

— Замёрз ужасно. Вот осталось. — Он протянул листовки.

— Оставь себе.

— А ты как?

— Я раньше пришёл. Один докапывался — пришлось уйти к “Макдаку”. Но там даже народа больше. А ты чо футболку не снял? Я же говорил. Данил деревянными пальцами стащил футболку и надел толстовку.

— А что это за памятник? — спросил он, заикаясь от холода.

Дима посмотрел на памятник, около которого они переодевались.

— Да поэт какой-то. То ли киргиз, то ли казах.

Данил посмотрел на этого поэта. Прочитал на памятнике:

“Абай Кунанбаев. Казахский поэт и мыслитель”.

— Это же здесь сидячая забавовка была, — вспомнил Данил, — я совсем мелкий был. Тут лагерь разбили. Сразу после Болотной. Он ещё как-то так назывался... “Оккупай”, кажется!

— Ага! Я помню что-то смутно. Там ещё пересажали всех.

— Точно! Мне отец показывал в новостях.

— Мой вообще помешан был. Ехать хотел — бабушка тормознула.

Поэт сидел на высоком камне. Глаза закрыты. Одну руку он положил на книгу, другая просто опущена вниз. Сидел, словно задумавшись о чём-то, не обращая ни на кого внимания.

— А где Алёна? — спросил вдруг Данил.

— Она уже уехала. Поправилась, что ли? — Дима усмехнулся. — Забудь. Её интересует протест.

— У меня уже есть девушка, — сказал, зачем-то оправдываясь, Данил.

— Пойдём в “Макдак”. Есть охота.

В “Макдональдсе” немного согрелись. Взяли привычный набор: гамбургеры, “кока-колу”, картошку. Нашли пустой столик у окна.

Данил смотрел на людей — никто не изменился. Они и сами сидели в “Макдональдсе”, ели, как будто не стояли только что в одиночном пикете.

— В ноябре готовится большой митинг, — сказал Дима. — В центре. Пойдёшь?

Данил задумался. Он смотрел в окно — какой-то оборванный грязный мужик клянчил у прохожих еду. Все проходили мимо и не обращали на него никакого внимания. Привычная картина — бомж у “Макдональда” — не вызывала даже отвращения. Он был ещё нестарый, не инвалид, но протягивал руку и грубым голосом кричал:

— Я есть хочу! Не надо денег, дайте поесть!

— Ты давно в наблике? — спросил Данил, чтобы отвлечься.

— Около года. А ты?

— Только пару месяцев. — Данил почему-то улыбнулся. — А ты... Ты почему этим... — он не мог подобрать слова, — занимаешься?

Дима недоверчиво сощурил глаза.

— Как и все, — ответил он, — а ты точно не провокатор? А то все боится.

Данил задумался. Действительно, он мог быть кем угодно. Но и Дима тоже.

— Я не провокатор, — сказал он, — а вообще пока в этом не особо разбираюсь.

— А что тут разбираться? Это же бессрочка — то есть ты просто выходишь на акции, когда хочешь, ни перед кем не отчитываешься. Или подваливаешь к кому-нибудь в тусу. Мне кажется — круто. Можно по всей Москве шататься. Это тебе не какая-нибудь Болотная, где старичё одно было. Это вообще другое!

— А ты знаешь про Болотную? — прошептал Данил. Он не хотел шептать, он хотел сказать открыто и громко, но получилось только прошептать.

— А что про неё знать? Ну, вышли, ну, разогнали всех. И что? Батя говорил — то же самое в 93-м году было, когда он только из армии вернулся. Он рассказывал: пришёл, а тут танки по центру ходят, прикинь? Стреляют все. Там вообще такой махач был! Батя думал — назад, в армию, мотать. Короче, фигня эта Болотная. У бати там чуть друганы не сели. Он их из ментовки вытаскивал.

— А твой отец тоже там был?

— Не, он не может. Он только в инете смотрит.

Дима отвернулся. Наверное, не хотелось говорить лишнего. Но сказал:

— Он сидел.

— За что? — почему-то спросил Данил. — За это?

— Да нет! — Дима махнул рукой. — По молодости. Баба одна наката-ла на него. Дали восьмёрку. Вернулся, когда я был в пятом классе. Я с ба-бушкой жил.

— А он работает сейчас?

— Работает, когда не колдырит. Но на нормальную работу его всё рав-но не берут.

— И как же вы живёте?

— Бабушка на пенсии. Я в шиномонтаже подрабатываю. После девято-го в строительный колледж пойду. Там стипендию платить будут. А вообще думаю свой шиномонтаж открыть. Я в этом нормально так секу.

Данил вспомнил все эти разговоры дома и в школе — куда поступать по-сле одиннадцатого, что делать, где учиться, как сдать экзамены — и помор-щился. Осталось меньше года, а он ещё не знал, куда ему идти.

— Всё-таки, интересно, как там было? — спросил Данил.

— Где?

— На Болотной...

Данил произносил это слово вполголоса.

— Да что ты с этой Болотной! Ты думаешь, там было главное? — Ди-ма даже как будто усмехнулся. — Всё начинается здесь и сейчас!

Данил посмотрел в окно. За окном шли люди, которым можно было раз-дать оставшиеся листовки, а под столом лежала сумка с футболками. Данил задевал её ногами.

— Что начинается? — спросил он.

Дима не ответил. Бомж всё не унимался. Он теперь сидел на асфальте, повторяя одно и то же. Гамбургер уже не хотелось. Данил решил было от-дать его бомжу, но передумал — перед Димой неудобно.

— А твоя мама где? — спросил Данил.

— Долгая история! Пойдёшь со мной в колледж?

— Не знаю. Я не решил ещё. Может, в институт пойду.

— Зачем? Отец у меня учился в институте — и что? Он говорил, что таким на зоне было даже хуже.

Данил опять отвернулся. Он представил себе, как живёт после тюрьмы отец Димы. Как встаёт утром, наливает себе выпить, варит сосиски или пельмени, а потом целый день сидит перед телевизором и переключает кана-лы. Или читает в интернете новости.

— Вообще, я свой блог веду, — сказал Дима. — Только ещё над назва-нием думаю. Чтобы звучало и запоминалось. Чтобы круто было. У меня есть пацаны в интернете, кто со мной. Во всех городах поднимаем. Расшатаем систему. Я тебе кину ссылку — посмотришь. Я там очень круто всё пишу. Надо только засветиться где-нибудь. Не на пикетах — это вообще фигня, а на чём-нибудь реальном. Может, вломиться в музей какой-нибудь? Или файер зажечь где-нибудь? Что думаешь?

— Не знаю. Не боишься? — Данил пожал плечами.

— Да что они нам сделают? Пока восемнадцати нет — ничего не могут. Вообще, если что — приезжай ко мне в шиномонтаж. Я тебе адрес скину. Там Тимур всем заправляет. У него и подбатрачить можно.

В метро Дима пожал Даниле руку. Это значило — друзья.

Дома Данил вспомнил, что у него остались листовки. Он убрал их в ящик своего стола под фотографию отца.

О своём отце Данил с мамой не говорил с тех пор, как тот умер. Они вме-сте, не сговариваясь, молчали, словно решили забыть о нём и никогда больше не вспоминать. Будто его никогда и не было. Хотя Данил знал, что мама тай-ком от него ездит на кладбище, где похоронен отец, а сам Данил тайком от

мамы спрятали в ящик стола фотографию отца и иногда достаёт её и смотрит на того человека, на кого, как сказала однажды мама, он сильно похож.

— Никогда так больше не говори! — крикнул тогда Данил. — Он бросил нас. И я не хочу быть таким, как он.

Своего отца Данил знал не очень хорошо. Тот много работал — делал ремонты, строил загородные дома далеко от Москвы и приезжал домой обычно в начале декабря, когда заканчивался сезон, а уезжал обратно на объект уже в конце марта, когда сходил снег. Получалось, что дома он жил всего четыре месяца — и за эти четыре месяца нужно было привыкнуть к отцу, полюбить его и научиться ему доверять. Это получалось не всегда, но каждый раз, когда отец уезжал, Данил смотрел в окно и не знал, хочет ли он, чтобы тот вернулся, или нет.

Про работу отец никогда не рассказывал, не брал сына с собой, даже летом, и не говорил точно, куда едет.

— Под Воскресенском. Тебе это о чём-то скажет? — грубо отвечал он матери.

— Хоть адрес оставь. Мало ли что.

— Тебе сообщат, если что.

Отец работал один. У него были напарники, но никто не выдерживал его тяжёлого характера. Он был угрюмый, всё делал молчком, и в свои проблемы никого не посвящал. А проблемы были.

Однажды отец приехал домой без денег. Мама всё спрашивала, а отец молчал — Данил подслушивал их разговоры. Неделию отец ходил мрачный и злой, потом уехал, а вернулся через несколько дней уже с деньгами. Бросил их на стол:

— Триста. Больше не будет.

— Полгода работал, и только триста тысяч? — мать не поверила. Отец обычно привозил в два раза больше. — А на что мы жить полгода будем?

Отец молчал, а вечером Данил увидел у него на макушке кровь.

— У тебя голова пробита, — сказал он, — надо к врачу.

— Ерунда, — отец махнул рукой, — кровь вытекла, значит, ничего не будет.

— Тебе что, не заплатили?

Но отец, как всегда, не ответил. Хотя и так было понятно.

Тогда-то он впервые запил. Пил он не по-чёрному, не на улице, не так, как другие отцы, а дома — тихо, спокойно. Но много. Целый месяц Данил выносил пустые бутылки и приносил новые.

— Что, пьёт? — спрашивали соседи. — Сильно?

— Да так, — Данил пожимал плечами и кивал на бутылки.

Отец никого никогда не слушал, и никто не мог ему перечить и не смог бы остановить, кроме Данила. Поэтому в начале января сразу после Нового года, Данил начинал уговаривать отца поехать к врачу. Наркологический диспансер находился рядом с домом, на Сущёвском валу, и надо было пройти всего полтора километра, но идти отец уже не мог.

— Да я сам останюсь, — говорил он, — дай мне ещё недельку.

— Нет, нельзя неделю. Надо сейчас. Пойдём.

— Сейчас... — отец пытался одеться. — А как мы пойдём?

— Тут недалеко, дойдём.

— Нет, я не пойду. Я не дойду.

— Давай на маршрутке.

Данил говорил с ним, как с ребёнком — тихо, точно уговаривал. Но отец упрямый. Если не хочет — ни за что не будет делать. Но и Данил упрямый.

— Ну, пап, — не отставал он, — пойдём.

Отец оделся. Он теперь сидел на кровати — худой, осунувшийся, в новой, но уже грязной белой куртке на молнии. Опустил голову, сжав виски руками.

— Голова болит, — сказал он тихо. — Дай покурить сначала. Принеси.

Данил поискал сигареты в сумке отца, сходил в ванную, где обычно он курил.

— Нет нигде, — крикнул.

— Посмотри в куртке, в кармане, не могу сам.

Данил подошёл к отцу. От него пахло перегаром и одеколоном — отец с утра безуспешно пытался побриться. Залез в карман его куртки, достал пачку сигарет.

— Зажги, — попросил отец.

Руки у него дрожали. Данил зажгёт сигарету, сам раскурил. Дал отцу. Отец задымил. Пепел упал на пол. Данил побежал за пепельницей. Отец, весь красный, сидел и курил. Вены на висках вздулись — вот-вот лопнут.

— Плохо мне что-то, — сказал и хотел лечь на кровать.

Данил быстро заговорил:

— Вот и пойдём. Там лучше станет.

Через час он согласился. Было скользко, и они шли с трудом. Отец держался на ногах еле-еле и через триста метров упал.

— Нет, я не могу.

Данил попытался его поднять.

— Давай до метро дойдём, а там маршрутка есть.

Они прошли ещё триста метров до метро. На остановке полно народу — продолжались новогодние праздники. Пошёл снег, и Данил надел на отца шапку. Он боялся одного — встретить кого-нибудь из школы. А потом ему вдруг стало всё равно. Это его отец. Какой бы он сейчас ни был, но это его отец.

— Пап, — сказал Данил, — не пей больше.

Он держал отца за плечи, чтобы тот опять не упал.

— Кругом только сволочи, Дань. Платить не хотят, а сами воруют вагонами. Мы к одному приехали, а у него зоопарк в доме, представляешь? Настоящий зоопарк! Одна спальня — триста квадратов! Вот откуда? Обычный чиновник, не крупный даже. Так — мелочь, монета разменная. А он сто тысяч зажал. Для него сто тысяч — это один раз в кабак сходить. А нам жить два месяца. А он зажал, гнида! Платить не захотел. А ведь ничего ты ему не сделаешь. Ничего! Разве только закопать где-нибудь! А, — отец махнул рукой. — Мне уже всё равно! Тебе жить!

— Пусть сволочь, гнида, а ты не пей.

— Мутно мне, Дань. Мутит что-то.

На обратном пути было хуже.

— Он должен заснуть минут через тридцать. Надо его к этому времени уложить, — сказала врач.

Она, привычная ко всему и ничему не сочувствующая и не удивляющаяся, вколола что-то отцу, дала таблетки, завёрнутые в бумажку, и что-то писала в карточке. Данил следил, как она быстро и непонятно пишет.

— А мать где? — спросила она, не отрываясь.

— Работает, — ответил Данил.

— Довезёшь сам или в больницу оформить?

— Довезу.

Отец сидел, бессмысленно смотрел в одну точку.

В маршрутке он стал засыпать. Данил сел с ним на переднее сиденье около водителя. Отец бормотал какую-то ерунду — вспоминал друзей, которых уже нет на свете.

— Вот Вовка хороший мужик. Много чего у нас было, но мы выжили.

Дядя Володя, как называл его Данил, давно уже умер — в сорок лет от воспаления лёгких. Он тоже пил, но лечиться не хотел.

— Ты знаешь Володьку? — спросил отец громко.

— Знаю.

— Так позвони ему, на, — отец стал искать мобильный по карманам, — скажи, я сейчас приеду.

Телефон не находился. Отец вывернул карманы — из них посыпалась мелочь, какие-то бумажки, номера телефонов. Отец всегда записывал всё на листках — телефон он часто терял.

— Где мой телефон? Ты взял? — крикнул водителю.

Водитель молчал и не реагировал, тоже, как и врач в диспансере, привыкший ко всему. Потом отец резко отключился, как будто ему дали по голове. Вся маршрутка это видела.

Водитель остановил около метро.

— Пап, вставай, мы ещё не дома, — будил его Данил.

— Мне сказали: спать, — бормотал отец, — чего тебе надо? Кто это? — он как будто не понимал, где находится. — А?

Маршрутка стояла дольше обычного, пока Данил с водителем выгружали отца из салона. Никто из людей не возмущался — для рабочего района картина привычная.

— Пусть мать фенозепам купит, — сказал водитель. — Неделю проспитесь, будет как огурчик. — Он, немолодой уже, небритый, худой — одни кости, — видимо, сам был запойный. Устроился работать на машину, чтобы хоть как-то просохнуть. — Пусть лежит, не ест, не встаёт. Пить давай только воду. Будет просить пиво — не давай. Перетерпит. Если сердце крепкое — не помрёт.

Данил кивнул.

Так он и пролежал. А через неделю:

— Дань, жрать охота. Сделай, а?

Данил сварил пельмени. Отец вышел на кухню, съел, потом долго сидел в ванной — отмокал, брился. А вышел уже другим человеком. Только небольшие порезы на подбородке говорили о ещё слабых руках. И мутный взгляд не скоро прояснился окончательно.

Именно сейчас, в конце октября, когда начинает немного подмерзать, Данил вспоминал всё это.

С конца октября он ждал отца. Когда был маленький:

— Мам, а папа сегодня приедет?

— Не знаю, пока не звонил.

Постарше:

— Когда будет?

— Кто ж его знает! Не докладывал!

И совсем недавно, в последний приезд:

— Мам, отец мне звонил. Сказал, заскочит. Я останусь дома, не пойду в школу?

— Ну, жди, оставайся.

В октябре у отца день рождения — сорок пять лет.

Данил со злостью задвинул ящик стола.

В школьной раздевалке душно и грязно. Она решётками отделена от коридора, и у Данила всегда создавалось ощущение, будто находишься в тюрьме. Все толкаются, смеются, ругаются, выясняют отношения. Потом жизнь здесь затихнет на время уроков, чтобы после опять продолжиться.

Данил стоял с Олей, загородившись развешанными чужими куртками, от которых неприятно пахло.

— Извини, что утром не получается пересечься. Отец возит теперь до школы. Ему пока делать нечего. Сказал, что через две недели уедет. Мать сама не рада, но не выгонишь же его.

— Он тебя достаёт?

— Ты же знаешь — он хочет всё контролировать.

— А я ему в этом мешаю.

— Ну, при чём здесь ты?

— Потому что, если бы не со мной была, а с каким-нибудь богатым жлобом — его бы всё устроило.

— Перестань! Он не такой. Просто хочет показать, какой он хороший отец. Он же не жил с нами никогда — ушёл, когда мне три года было. Вот и навёрстывает упущенное.

— Ладно! В воскресенье удастся вырваться? — Данил обнял Олю и погладил её волосы — мягкие, длинные.

— Мы же договорились. — Оля покраснела и отвернулась.

Уже давно они договорились побыть вдвоём так, чтобы не торопиться, и чтобы никто не мешал. Но всё никак не получалось. То Олина мама возьмёт отпуск и сидит дома, то её отец неожиданно приедет, то ещё что-то произойдёт. Данил понимал — куда проще, если бы у него была свободная квартира, но Оля могла только по выходным, а по выходным у него дома мама.

Да и вообще — приводить девушку, которая привыкла к самому лучшему, в свою маленькую затхлую квартирку... Оля ещё ни разу не была у него дома, и он с трудом её представлял на своём раскладном узком диване.

— Только где мы встретимся? У меня отец будет дома. У тебя?

— У меня же мама. Но я что-нибудь придумаю. Поспрашиваю у друзей.

Может, у кого-нибудь родители свалят на дачу.

На самом деле Данил не знал, где найти свободную квартиру. В классе он никому не доверял, а больше спросить не у кого. Он решил завтра съездить к Диме в шиномонтаж и узнать у него — наверняка, он мог бы помочь.

Данил с Олей стояли молча, обнявшись. Так можно постоять ещё минут пять, потом прозвонит первый звонок, и все разбегутся по классам. Он проводил Олю до её кабинета. Она поцеловала его и скрылась.

После уроков Данил поехал к Диме. Его шиномонтаж находился недалеко от Щёлковской, на окраине, около железнодорожных путей.

Похожее место было и у них, на Марьиной роще. Часто оттуда слышались лай собак и ругань людей. Все — и люди, и звери — выясняли отношения именно там. Шум поездов заглушал всё — и можно устраивать драки и не бояться, что кто-то увидит или услышит. Отец рассказывал Данилу, как в 90-е годы здесь собирались компании и делили территорию района. Как отец Оли тогда силой забрал себе одну из качалок, принадлежавших кому-то другому. Именно из этой качалки потом вырос весь бизнес Олиного отца — несколько фитнес-клубов. Данил, когда бывал там, с опаской смотрел на холм перед железнодорожной линией, где можно зарыть всё что угодно и кого угодно.

Дима вышел весь в масле, в грязной тёмно-синей форме.

— Пойдём покурим, — предложил он.

Данил смотрел на железнодорожный ров — большая лохматая собака медленно переходила пути, озираясь по сторонам. Она, видимо, тоже чего-то боялась.

— И давно ты здесь? — спросил Данил.

— Год.

— А тебя устраивает вот так?

— Как — так? — не понял Дима.

— Ну, вот так. Целый день работаешь. Не учишься толком.

Дима отвернулся.

— Меня мать родила в семнадцать, а через три года отдала бабушке. Так что вариантов у меня не так чтобы много.

— Извини. Не знал.

— Ой, да ладно! Подумаешь! Я её уже давно не видел. Она потом снова замуж вышла, родила ещё одного ребёнка — не знаю, кого, пацана или девку. Я её видел с коляской. Хотел в коляску камней накидать, но передумал. Этот-то мелкий не виноват ни в чём.

— А она тебя что, не замечала?

— Нет, наверное. Я как-то проследил за ней, по пятам шёл, дошёл до подъезда, но она не обернулась. Я подождал, а потом вышел её мужик новый. Я хотел уйти, но напоследок взял камень и кинул вслед этому мужику. Попал в спину — там такой верзила, легко было попасть. Он побежал за мной, но не догнал. Я свой район знаю лучше всех. Потом отец из тюрьмы вернулся, нормально жить стали. Семья типа. Я, бабушка и он. Но на него иногда находит — квасить начинает, работу бросает. А мне что делать? Бабушка сказала — устраивайся. А куда я здесь ещё устроюсь? Малолетку никто не берёт. Вот Тимур взял — спасибо ему!

Данил заметил, что Дима называл бабушку только бабушка. Не бабка.

— Ладно, хватит тут сопли пускать. Пошли! — велел он.

Докурили. Выбросили окурки. Пошли в каморку Димы. Данил осмотрелся вокруг — разбросанные шины, покрышки, мусор. Руки у Димы были масляные. Он казался здесь намного старше. Данил не мог поверить, что этот почти взрослый мужик в рабочем комбинезоне младше его.

Кроме него, в шиномонтаже работал ещё один парень, лет двадцати, нерусский, в таком же комбинезоне. Также грязный и весь в масле.

— Это Бахрам, — сказал Дима, — Боря, короче, по-нашему.

Данил протянул руку и поздоровался. Прошли в комнату. Там на дырявом диване сидели девчонки.

— Садись. Не обращай на них внимания. — Дима скинул с дивана какие-то коробки — освободил место.

Девчонки подвинулись. Данил плюхнулся как-то неукложе, и девчонки засмеялись. Дима их не представлял. Было неловко сидеть с этими девчонками рядом — места мало, и они прижимались к нему вплотную. От них пахло дешёвыми коктейлями и вишнёвыми электронными сигаретами.

Ещё в этой комнатухе стоял стол и небольшой холодильник “ЗИЛ”. Видимо, очень старый, но, судя по тому, что иногда он неожиданно вздрагивал и начинал жужжать — работал. На столе — бутылки пива, а пустые лежали под столом. На пластиковых тарелках — колбаса, скорее всего, девчонки принесли.

— Будешь? — Дима заметил взгляд Данила.

— Нет. Я вообще-то по делу.

Дима сделал знак девчонкам, и они, всё так же смеясь, быстро выскочили из каморки.

— Я хотел узнать, у тебя нет какой-нибудь квартиры свободной на воскресенье?

— Зачем тебе?

— Мне надо с девушкой зависнуть.

— С нормальной?

— С нормальной.

— Тогда нет. Есть халупы всякие, но туда нормальную не поведёшь. Только сосок всяких. Ты сними на сутки. Мы с пацанами иногда берём за две тысячи.

— Но где же я их возьму? У матери не хочу брать, да у неё и нет лишних.

— Одолжи у Тимура. Потом отработаешь или отдашь. Только его сейчас нет. Он завтра будет.

— А он точно даст?

— Да точно! Ты, главное, отдай. А то он, знаешь, не прощает, в общем. У меня к тебе тоже дело.

Дима отодвинул диван — за ним в коробке лежало несколько запечатанных пачек с листовками. Он взял одну пачку и протянул Данилу.

— Надо расклеить по району. Сможешь за неделю?

— Постараюсь.

— Только фотку сделай. Мне для блога. Лицо своё можешь не фоткать. Чисто так — рука и листовка.

Девчонки, смеясь, заглянули в комнату.

— Ты что, друг Тимура? — спросила одна из них.

— Нет, — сказал Данил.

— Зря, он крутой.

Они опять отчего-то засмеялись и начинали уже раздражать.

— Подъезжай в субботу на Сретенку. К двенадцати часам. Покажу тебе место одно, — сказал Дима.

— Не знаю пока. Подумаю.

— Алёна будет, — добавил он зачем-то.

— Ладно, — махнул рукой Данил, попрощался и вышел.

Бахрам, или Боря, курил в мастерской.

— Много здесь работы? — спросил Данил.

— Я пятый год здесь, — сказал Бахрам. — Сначала мало было, потом вот какую фирму сделали. Приходи — ещё больше сделаем.

— А откуда приехал? — спросил Данил, хотя его это не особо интересовало.

— Из Термеза.

— Это какая страна?

— Узбекистан. Город такой там. Хороший город.

— А русские есть там?

— Есть! Как — нет! Есть русские. Русский знаю. Потому и уехал. Кто русский не знает — как тут уедешь? Все учат.

— А там нет шиномонтажа?

Данил почему-то разозлился. На него, на Диму, на Тимура этого, которого ни разу не видел, на смеющихся девчонок.

— Есть. — Бахрам не обиделся. — Но платят мало. Сто долларов в месяц. Здесь — больше. У нас там как живут — есть свой дом, баран, его режут — и живут. Нет своего дома — нельзя жить. Вот и уезжаем.

— А у тебя нет дома?

— Нет. Накоплю денег — тогда уеду обратно, куплю. Бараны будут, жена, уже не пропадёшь. Вот так у нас.

— А жену здесь найдёшь?

— Нет. Как — здесь? Жену отец найдёт. У нас не гуляют. Отец нашёл — ты женился.

— А если не понравится?

— Ну как — не понравится. Отцу понравится — и мне понравится.

Данил смотрел на него. Работает. Дом купит. Жену найдёт.

Из комнаты донеслись голоса и смех. Данилу захотелось вдруг вернуться туда, посидеть с Димой, с девчонками. Забыть обо всём — о квартире, о школе, об Оле. Быть таким же, как они. Пойти в строительный колледж, устроиться в шиномонтаж и жить обычной жизнью. Но потом Данил вспомнил тех людей на митинге. И почему-то при мысли об этих людях, об этом митинге сердце Данила опять сжалось. Там они боролись за другую жизнь, и ему казалось, что он среди них на своём месте.

Данил зачем-то перешёл через линию, долго блуждал по другой части района и только к вечеру вернулся домой, опять соврав маме, что был в институте.

5

В субботу чуть не проспал. Встал поздно, зачем-то накричал на мать, потому что она не догадалась его разбудить, толком не поел и злой поехал на Срегенский бульвар. По дороге даже не слушал музыку и не курил — не было настроения. Только в метро машинально листал новости в “ВКонтакте”, и перед ним мелькали уже знакомые картинки из паблика. Обыски, аресты, акции... Кто-то ворвался с файером в зал суда, каких-то активистов задержали, и они просят помощи. Люди с заклеенными ртами и шариками шли на молчаливое шествие. Лозунги, которые Данил уже знал наизусть, — “Протест бессрочен”, “Интернет — последняя наша свобода”, “Долой мусорную мафию”.

На станции в центре зала уже ждали Дима и Алёна. Она на этот раз весёлая, улыбалась, в длинном пышном платье и в ярко-зелёной толстовке, поэтому и волосы её казались ещё ярче. Только вместо туфель — тяжёлые ботинки.

Данил смотрел на неё и не мог понять — нравится она ему или нет. Ему казалось, он любит Олю. Он ждал её утром, провожал после школы, писал каждый вечер сообщения, не мог заснуть без смайлика от неё, скучал и злился, когда приезжал её отец. Конечно, он её любил. И одновременно боялся того дня, когда останется где-то наедине с нею. А Алёна была совсем другой. Почему-то её он мог представить даже в своей неубранной комнате, хотя видел её второй раз в жизни.

Они поднялись по эскалатору, прошли по длинному переходу, где в палатках продавали всякую мелочь — сумки, часы, телефоны, иконы, одежду, ремни. Переступили через нескольких бомжей, растянувшихся посреди перехода, и вышли на улицу.

Данил невольно смотрел на Алёну и восхищался. Такая хрупкая, тоненькая и решительная. Сам Данил постоянно во всём сомневался, а Алёна, ему казалось, ни секунды не колеблется. Они шли мимо кафе, магазинов, ресторанов, домов с дорогими квартирами, и Данил себя чувствовал неуютно в этой части города, которой не принадлежал. Зашли в арку и прошли

внутри двора. Там, в подвале обычного жилого дома, находилось еле приметное антикафе. Снаружи только небольшая вывеска: “РесПаблик”.

— А зомбировать не будут? — спросила Алёна. — Мне хватает зомбоящика дома.

Данил впервые услышал её голос. Тихий, как он и думал, но твёрдый и решительный. Да, такие девушки и под страхом смерти не отступают от своих идей. Он именно так себе представлял женщин на войне, погибших в страшных муках, но не сломленных. Как Зоя Космодемьянская, о которой им рассказывали в школьном музее. Вот так она и выглядела бы сейчас — в платье, в тяжёлых ботинках, с красными волосами и тихим голосом.

— Не будут, — сказал Дима. — У меня вообще свой блог. Данил со мной, — Дима кивнул в сторону Данила. Тот улыбнулся.

Алёна внимательно посмотрела на них и ничего больше не сказала.

Конечно, Данил не так представлял себе штаб протестного движения. Он думал, что тот должен быть скрыт от посторонних глаз, находиться где-нибудь в подвале, закрытый на несколько внушительных замков, где-то на задворках Москвы, в спальном районе, чтобы никто о нём не догадался. Но этот штаб расположился чуть ли в центре города, на первом этаже обычного дома. Внутри — несколько комнат, что-то вроде прихожей и даже небольшая кухня, где можно налить себе чай или кофе. Они прошли в одну из комнат и сели у двери. Много людей, в основном, молодёжь: школьники и студенты. В центре комнаты оборудовано некое подобие сцены, и все сидели вокруг неё. Данил и Алёна сели рядом и невольно касались друг друга. Дима их представил.

— Давно в протесте? — спросил один из парней в чёрной футболке с красной буквой “А” посередине.

— Не очень, — сказал Данил, — пару месяцев назад увлёкся.

— А что сподвигло?

— Сложно сказать, — Данил пожал плечами, — всё вместе. Накипело как-то. Ещё я Болотную помню, правда смутно, но вроде там круто было.

— Учишься в институте?

— В школе ещё. В одиннадцатом.

— Меня Сергей зовут, — протянул руку парень в футболке. — Я здесь типа главный. А вообще мы ничем противозаконным не занимаемся. Общаемся, поём песни, стихи читаем. Пишешь что-нибудь?

— Алёна стихи пишет! — ответил Дима вместо него. — Она сегодня почитает! Есть место?

— Не вопрос, — пожал плечами Сергей. — Идите тогда к сцене.

На сцену это не очень было похоже — просто небольшое возвышение. На него поднялась девушка с гитарой и начала петь. Данил не знал эту песню, но многие подпевали. И вокруг опять звучали привычные уже слова — “свобода”, “перемены”, “власть”. Потом стали читать стихи. И в них те же слова. Алёна читала свои и спела пару песен. Одну из них Данил знал и повторял вслед за Алёной:

— *Ярость грызет нутро,
Страх превращает нас в рабов.
Снова война в метро —
Око за око, кровь за кровь.
Разобщены, глухонемы
Дети одной большой страны.
Кто виноват, если не мы?*

Он смотрел на неё — как она перебирает аккорды — и любовался.

Через пару часов люди стали расходиться. Дима остался с Сергеем, и обратно к метро Данил пошёл с Алёной вдвоём. Втайне он был даже рад этому.

— Зайдём в кафе? У меня есть деньги, — предложила она.

Ему сначала стало стыдно, что у него денег — ноль и что девушка его приглашает, но он согласился. Почему-то с Алёной он не чувствовал никаких рамок.

Они зашли в “Старбакс”, взяли один кофе на двоих и пончики. Сели за небольшой столик подальше от стойки.

— Как ты оказалась в этой тусовке? — спросил Данил.

— У меня друг один был на Болотной, и ему дали срок. Недавно вышел. Для него теперь ничего другого, кроме протестов, нет. Он говорит, когда выходишь из тюрьмы, ты другой человек и ничем больше заниматься уже не будешь. Я сначала была в движении из-за него. Организовывала пикеты в поддержку политосуждённых. Мне нравится в протесте. Всё просто и понятно. Есть враги, и есть друзья. Друзья — те, кто с тобой в пикете. И всё.

— А против чего ты протестуешь?

— Я хочу свободы. Чтобы говорить то, что думаешь. Вот я учусь на журфаке уже целый год. И что нам говорят? Об этом писать нельзя, об этом говорить нельзя. И что, я теперь буду рассказывать всем, как здорово мы все живём? Я хочу говорить правду и не бояться. Хочу писать о том, что у нас происходит — про школы, больницы, про политзеков, про зарплаты, про мусор, который хоронят под новостройками, про наглых богачей, про то, как реальные люди живут. Ты знал, например, что в Кировской области люди кожуру от картошки едят? Картошку детям дают, а сами кожуру варят. А нас на курсе учат, что мы должны писать о том, какой урожай собрали в Краснодарском крае. А не о том, за сколько и кому ему продали. У меня бывший парень из Саратова. Так он говорил, что там в деревнях зерно продают за копейки, потому что приезжает один так называемый предприниматель и скупает всё оптом, а потом их же хлеб им продаёт в десять раз дороже. А людям деваться некуда. Они либо так продадут, либо у них всё сгниёт там. И так везде. Вообще, я однажды сделаю классный политический канал, чтобы все знали, что в стране происходит. А ты о чём мечтаешь?

Данил задумался. Все о чём-то мечтали. Дима — вести свой блог, Оля — пойти в институт и жить отдельно от родителей, Алёна — создать канал. А он о чём мечтает?

— Не знаю, — признался Данил.

— А почему в протест пришёл?

— Не знаю. Я просто чувствую, что так жить нельзя. Вот отец, например, вкалывал на богатую гниду, чтобы заработать хоть что-то. А всё равно ничего не заработал — ни квартиры, ни машины нет. Ведь это неправильно?

Алёна не отвечала. Она пила кофе из общего стаканчика и отламывала руками пончик. Волосы, уложенные утром, растрепались и теперь казались длиннее и мягче. Они касались плеча Данила, который тоже склонился над столиком.

По пути к метро он случайно взял Алёну за руку, и она не стала отнимать её. Так и шли рядом. Пока ехали на эскалаторе, Данил включал ей музыку в своём телефоне. Один наушник он взял себе, другой отдал ей, и они стояли очень близко друг к другу. Потом Алёна достала свой телефон и свои наушники. Дала один Данилу. Они уже сели рядом в вагон метро. Но из наушников полилась не музыка, а самые настоящие стихи.

*Ждём с небес перемен — видим петли взамен.
Он придёт, принесёт. Он утешит, спасёт,
Он поймёт, Он простит, ото всех защитит,
По заслугам воздаст да за трёшку продаст.*

— Это твои? — спросил Данил, не вынимая наушник.

— Не, ты что! Я так не умею. Это Янка Дягилева! Классику надо знать!

Они сидели рядом, Данил проехал свою станцию, а Алёна — свою. Они вышли на конечной и ещё долго сидели на лавочке в метро. Данил включал “Люмен” и “ДДТ”, Алёна — “Янку”, “Гражданскую оборону”, “Louna”.

Потом Данил проводил Алёну до Киевской, откуда она поехала к себе в Одинцово. Он ещё долго стоял и смотрел, как она поднимается по длинному эскалатору. Ему почему-то казалось, что он больше её не увидит, и ему хотелось окликнуть её, чтобы она обернулась. Но Алёна надела капюшон от толстовки и не смотрела вниз.

С Олей Данил встречался давно, с начала лета. За это время он привык к ней — привык ходить вместе в школу, пересекаться на переменах около музея или на подоконнике, провожать её потом домой. Ему нравилось, что можно идти с ней рядом, ждать зелёного светофора на двух дорогах, стоять у подъезда, а потом идти обратно, писать по дороге смс. А потом, уже дома: “Я дошёл”.

“Чего так долго?”

“Не, я быстро. Не сразу написал просто”.

“Уже скучаю”.

“И я”.

И смайлы, смайлы. Оля любила присылать смайлы. Улыбающиеся, смеющиеся, иногда со слезками, когда грустила.

“Я сегодня не приду. Заболела что-то”, — и грустная улыбка.

“А когда придёшь?”

“Не знаю”.

“Зайти к тебе?”.

“Родители дома”.

Когда родители дома, особенно отец, Данил не заходил. У Оли хорошая семья. Мама — врач, она работает в поликлинике в центре Москвы. Папа — хоть и не крупный, но вполне успешный бизнесмен. У них большая красивая квартира с модным ремонтом — кухней-столовой, барной стойкой, двумя ванными и огромной лоджией. Данил никогда раньше не видел таких квартир. Сам он жил в районе Марьиной рощи, состоящем из панельных пятиэтажек, одинаковых и холодных, в которых слышно всё, что происходит у соседей, и все друг друга знают. Вокруг школы много таких домов — и почти все ребята были оттуда. Все, кроме Оли.

Может быть, поэтому Данил чувствовал себя неловко, когда приходил к ней. Он никогда не снимал куртку, только ботинки. Проходил на большую кухню, размером с половину его квартиры, пил чай — и старался как можно быстрее вытащить Олю на улицу.

Один раз ему пришлось ужинать с её родителями. Оля хотела познакомить его с ними, чтобы потом спокойно встречаться. Данил очень переживал, оделся как можно приличнее — джинсы длинные, классические, не узкие, без подворотов. Вместо футболки — рубашка, даже ботинки нашёл взамен своих белых кроссовок. Он старался как можно больше молчать, потому что очень боялся, что будут говорить про поступление в институт или про семью. Но об этом не говорили.

Потом уже, через несколько дней Данил спросил у Оли:

— Ну, что твои обо мне думают?

— Ну, так... — Оля ответила не сразу. — Мама нормально. А отец...

Ну, ему вообще никто не нравится.

После этого разговора Данил решил, что больше к Оле при родителях не зайдёт.

В час дня Данил встал у подъезда по привычке под козырёк, чтобы его не заметили из окна дома.

“Выходи!” — написал он сообщение.

Оля вышла очень красивая — ярко покрашенная, в коротком бежевом платье, расстёгнутом плащике и сапогах на высоком каблуке. Данил никогда её ещё не видел такой.

— Ты где вчера был? — сразу спросила она. — На сообщения не отвечал.

— Да... долго рассказывать.

— Ты мне совсем ничего не говоришь.

— Сколько у тебя времени? — спросил Данил, чтобы перевести тему.

— Да есть время — не волнуйся. Я отпросилась на целый день. — Оля улыбнулась.

Идти было недалеко. Когда отошли от дома, Данил взял Олю за руку.

— Вообще, нам не обязательно скрывать, что мы встречаемся, — сказала она, — мама нормально к тебе относится.

— Это пока не подвернулся богатенький козёл какой-нибудь, — огрызнулся Данил.

Оля пождала губы, обиделась и помрачнела. Стало жалко её — она сегодня специально для него надела новое тонкое платье, и уже наверняка замёрзла. Он обнял её за плечи.

— Пришли уже, — сказал Данил, указывая на высокий кирпичный дом. — Нам на девятый.

— А откуда эта квартира?

— Друг одолжил. Никто не придёт до завтра. Можно не торопиться.

Данил тут же сам покраснел от своих слов. Он не строил из себя какого-то особенно опытного — и никогда ничего так не боялся, как остаться один на один с девушкой. И не просто с девушкой, а с Олей. Но она, казалось, не обратила внимания на его слова. В лифте прижалась к нему, он её обнял и поцеловал.

Квартира оказалась неплохая — большая однушка с балконом, хорошей кухней. Данил уже видел эту квартиру, когда с утра её оплачивал. Деньги занял у Тимура, как посоветовал ему Дима.

— Отдашь две пятьсот, — сказал Тимур, отсчитывая две тысячи.

— Почему две пятьсот? — не понял Данил.

— Проценты. Или отработаешь пять смен. Как хочешь.

Данил взял деньги. Ему было противно смотреть на толстое лицо Тимура, на его дорогую кожаную куртку и начищенные ботинки, но он заискивающе смотрел.

— Если решишь исчезнуть, достану из-под земли, — усмехнулся Тимур, — так что давай без подстав. И мой тебе совет — на девок больше не занимай. Зарабатывай больше — они сами к тебе поползут.

— Разберусь, — отрезал Данил.

Потом заехал посмотреть и оплатить квартиру.

— Паспорт есть? — спрашивала молодая ещё женщина. Данил почему-то представлял её старухой-процентщицей, как из романа, который они в том году обсуждали на литературе, но она оказалась не такой.

— Зачем паспорт? — спросил он.

— У меня такие порядки. Мало ли кто тут снимает.

Данил дал паспорт.

— Нет восемнадцати?

— Будет скоро.

Она стала что-то писать у себя в бумагах.

— Подпиши здесь.

Данил подписал.

— У нас выезд в двенадцать часов следующего дня.

— Хорошо.

— С кем будешь?

— С другом.

Данил положил ей на стол деньги, и она сразу подобрела. Затараторила:

— В ванной есть полотенца, бельё свежее, диван уже разложен, на кухне всё есть. Всё работает.

Данил не стал осматривать — поверил на слово. Взял договор, сложил и убрал в рюкзак, а по дороге выбросил, чтобы Оля не увидела.

Теперь они стояли в этой самой квартире. Сейчас она ему показалась меньше и хуже.

— Странно, — сказала Оля, — такое ощущение, что здесь никто не живёт.

— Друг редко бывает.

— А чего не сдают?

— Не знаю.

Данил включил электрический чайник, достал торт, который купил заранее. Он купил ещё и вино, но не знал, будет ли Оля пить и не обидится ли. Она тихо села на кухне. Данил налил чай, разрезал торт и тоже сел. Оба молчали. Почему-то чувствовали себя как-то неловко, словно только что познакомились.

— А что-нибудь другое есть? — Оля кивнула на чай.

Данил достал вино и налил им в стаканы, потому что не нашёл бокалов. Оля отпила так, будто никогда не пробовала, и поморщилась:

— Кислое.

Данил смотрел на неё. Красивая, высокая, тоненькая. Платье совсем короткое, с рюшечками какими-то. Оля совсем не вписывалась в эту квартиру и в его жизнь.

Чтобы заполнить неловкую паузу, прошли в комнату. Сразу бросился в глаза большой разобранный диван. Данилу стало не по себе. Неужели он будет здесь сейчас с ней, на этом диване — первый раз в своей и в её жизни? Оля села, Данил опустился рядом и обнял её. Она сидела не шелохнувшись.

— Ты чего? — спросил он.

— Не знаю. Как-то странно. Не у меня, не у тебя. А где-то...

— Да ладно! Какая разница? — Данил поцеловал Олю.

Они целовались долго. Он не хотел отпускать её — боялся, что она сейчас встанет и уйдёт. Он крепко прижимал её к себе. Он не знал, что нужно говорить в таких случаях, и поэтому молчал. А Оля молчала по какой-то другой причине — только девочки знают, по какой.

— А потом как мы будем? — спросила вдруг Оля и отстранилась от него. — Нельзя же всё время просить друзей.

Она обвела глазами комнату. Обои кое-где отошли, на потолке видны подтёки, на полу — липкий выцветший линолеум.

— Я что-нибудь придумаю, — ответил Данил сквозь туман в голове.

Всё плыло перед глазами, он уже начал забывать обо всём, перестал думать, чувствуя только её запах, но Оля вдруг прервала его:

— Подожди! Я не хочу здесь.

Данил услышал её слова не сразу. Они как-то постепенно вошли в его сознание.

— Почему? Ты же хотела.

— Не знаю. — Оля одёрнула платье и отсела. — Здесь всё чужое. Не твоё и не моё.

Данил резко встал.

— Ты серьёзно?

— Да. Давай просто посидим.

Но кровь уже стучала в голове, и Данил злился на всё вокруг. Он развернулся, ушёл и хлопнул дверью.

— Да иди ты! Делай, что хочешь! — крикнул он напоследок.

Оля побежала за ним в подъезд. Он остановился у подоконника, развернулся и крикнул резко и жёстко:

— Я не держу! Не нравится — уходи!

Она смотрела на него, не узнавая. Испуганно попятилась назад и заплакала.

— Если хочешь знать, я снял эту квартиру на сутки! Не нравится так? Оля перестала плакать.

— Правда? Но мы же могли побыть и у тебя!

— Не могли. Ты можешь только в выходные. А в выходные у меня мама за стенкой. Как ты себе это представляешь?

— Но ведь все как-то живут.

— Не знаю, как все. Ты так не будешь.

— Откуда ты знаешь? Ты думаешь, я с людьми из-за квартир встречаюсь?

Оля хотела уйти, но он обнял её и не пустил.

— Ладно. Пойдём посидим, — сказал он уже спокойно, — ещё осталось вино.

Они ещё долго стояли в подъезде, и чужая неудобная квартира ждала их напрасно.

Всю следующую неделю Данил ходил в школу урывками. Опаздывал, сбегал с уроков раньше, отсиживался в столовой или в закутке музея, переписывался с Димой и с Алёной. С Алёной больше. Слушал музыку, которую она ему скидывала, читал её стихи. С Олей виделся только в школе. Отец провожал её каждый день и забирал.

В конце недели Данил тайком от мамы распаковал пачку листовок, которые дал ему Дима. Данил отсчитал двадцать штук, а остальные спрятал всё

в тот же потайной ящик стола. Он решил дожидаться вечера — темнело уже быстро. В семь часов мамы ещё не было. Он не стал её ждать, взял рюкзак и, точно вор, сбегаящий из чужого дома, бесшумно прокрался в подъезд.

На улице было, как ночью, но Данилу казалось — недостаточно темно. Свет фонарей, который, чудилось, преследовал его, шёл по пятам. Фонари светили слишком ярко, их было слишком много, машины ездили слишком шумно и часто. Данил шёл по Сущёвскому валу, и ему казалось, что все люди, встречающиеся на пути, знают, куда он идёт и зачем. Вот-вот кто-то попросит его раскрыть рюкзак, вот-вот какой-нибудь полицейский остановит его для проверки документов.

Он сошёл с оживлённой улицы во дворы, но и там легче не стало. Из каждого окна, из каждого дома на него смотрели, у каждого подъезда сидели люди, из каждой припаркованной машины доносились голоса, и все говорили только о нём. Но время шло, и надо было решаться.

Может, президент и не виноват, но кто-то же должен отвечать за то, что одни с каждой минутой богаче и богаче, а другие пьют, чтобы заглушить обиду на жизнь. Данил включил музыку на телефоне, чтобы всё заглушала, чтобы ничего не слышать, не бояться. Так собравшись с силами стало проще. Он остановился у одного из домов, подошёл к самому тёмному неосвещённому подъезду, раскрыл рюкзак. Ещё раз осмотрелся, чтобы никто его не увидел, надел кашошон, достал листовку, клей, намазал густо обратную сторону и приклеил прямо на дверь подъезда. Потом быстро, пока никто не заметил, застегнул рюкзак и почти побежал дальше.

В груди колотилось. Данил остановился, приложил руку — под ладонью, точно птица крыльями, быстро-быстро билось сердце.

Так Данил обошёл несколько домов, то и дело поправляя кашошон, озираясь, останавливаясь, чтобы успокоиться. Когда в рюкзаке стало пусто, он вышел обратно на Сущёвский вал и уже спокойно, без спешки, стараясь не привлекать к себе внимания, пошёл домой.

Мамы ещё не было. Теперь она стала часто задерживаться на работе. В последние два года отец тоже подолгу оставался на объекте. Однажды он приехал домой только январю, а уехал в начале марта.

— Зимой же нет работы, — попытывался Данил. — Кто зимой строит?

Но отец никогда не объяснял свои поступки. Он считал, что, раз ухаживал, значит, так было нужно. Мама тоже молчала, точно её всё устраивало. Только после смерти отца Данил узнал, что они хотели развестись, но не успели.

Данил уже успел убрать рюкзак, когда пришла мама.

— А ты чего так поздно? — Он стоял в дверях ванной, пока мама мыла руки.

— В магазин зашла. А что?

— Ничего. Странно просто.

Мама прошла на кухню. Данил посмотрел на настенный календарь, и вдруг догадался:

— Ты была на кладбище.

— Ну, кто-то же должен ездить, — ответила мама, доставая из холодильника контейнеры с ужином. — Там тоже прибираться надо. Скоро снег выпадет.

— Чего не сказала? Я бы мог поехать. Помочь.

— У тебя свои дела. Тебе в институт надо ездить. Ты лучше учишь.

Мама поставила один из контейнеров в микроволновку, и та тихо зажужжала. Данил смотрел, как мама перекладывает тёплую еду в тарелку, отрезает чёрный хлеб, ничего больше не ответил и ушёл к себе в комнату. Они никогда не ужинали вместе.

В начале следующей недели Данила вызвали к директору. Такое случилось, если происходило что-то страшное. Данил ещё ни разу не был в его кабинете. Он стоял неуверенно в дверях и боялся пошевелиться.

— Садись, — тот кивнул на стул напротив себя.

Но Данил остался стоять.

— Догадываешься, зачем я тебя пригласил?

— Наверное, из-за уроков. — Данил пожал плечами.

— Ты расклеивал листовки в нашем районе?

Данил вздрогнул. Этого он не ожидал. Он ходил вечером, в кашпошоне, в тёмной куртке. Даже если его видели, не узнали бы. Поэтому Данил решил врать:

— Нет.

— Тебя видели.

— Они ошиблись.

Директор выложил на стол чёрно-белые фотографии.

— Покажи свой рюкзак и кроссовки, — попросил директор.

Данил положил на стол рюкзак — точно такой же, как на фото. И белые кроссовки с толстой подошвой предательски похожи.

— Это не я, — тихо и неуверенно сказал Данил.

— Хватит! — директор хлопнул ладонью по этим фотографиям. — Это распечатки с камер, которые натяканы по всему району. Если будет команда — там быстро определят, из какого дома ты вышел и куда зашёл после. Скажи спасибо, что они попали ко мне, а не куда-то ещё! Был бы ты сейчас в совершенно другом месте!

Данил промолчал. Ему даже стало обидно. Он с таким трудом пытался скрыть своё лицо, избегал встречных прохожих, но забыл про банальные камеры.

— С какой компанией ты связался? — директор подошёл к нему.

— Я был один, — ответил Данил и отодвинулся от директора.

— Да знаю я все ваши игры. Ты не понимаешь — они же сами тебя кинут, как только запахнет жареным. Они же используют таких, как ты.

— Я был один, — повторил Данил.

Директор прошёл по кабинету.

— Ты понимаешь, что это статья. Что ты теперь под надзором полиции. Что твою мать могут лишить родительских прав, а тебя — отправить в интернат.

Данил невольно рассматривал бумаги на столе. Приказы, заявления. Всё в таком беспорядке, что удивительно — как он вообще работает.

— Что не будет тебе никакого института, никакой работы, — продолжал директор. — Что с таким клеймом ты теперь будешь, в лучшем случае, интернет-заказы развозить. Это если повезёт. Тебе это надо?

Данил слегка покачал головой.

— А что ты тогда потащился туда с этими листовками? И главное, в своём же районе! Это же надо догадаться! Ты понимаешь, что ты всех подставил?

Директор был выше и нависал над ним, словно прокурор, который обвинял его в самых страшных и тяжких преступлениях.

— В общем, так. Фотографии будут лежать у меня в столе. Если ещё раз ты будешь замечен за какой-нибудь расклейкой, если вдруг вздумаешь поехать на какой-нибудь митинг, они тут же отправятся, куда следует. И разговаривать с тобой будут уже не так мягко. Ты меня услышал?

— Маме не звоните.

— Я подумаю. Иди.

Он вышел, мысленно ненавидя и школу, и директора, и эти листовки.

6

Маме всё-таки позвонили. Она пришла раньше обычного, и Данил сразу понял — что-то не так. Такое же ощущение было, когда умер дед — мамин отец. Даниле было тогда десять лет. Мама пришла с работы рано, села на кухню и сказала только одно:

— Дедушка умер.

— В смысле? — спросил Данил.

На его памяти в их семье ещё никто не умирал. Не мог умереть и дед — прошедший войну, доживший до девяноста лет. Это казалось неправильным.

Данил держался, чтобы в гробу не потрясти деда за плечи и не кричать, как кричал ещё ребёнком, когда с мамой приезжал к нему на дачу, где он жил: “Дед, вставай, вставай!”

Но дед лежал — жёлтый и застывший. Такая же застывшая мама сидела около гроба и молчала.

Сейчас мама тоже сидела на кухне и молчала. И даже не включала телевизор.

— Мам, ты чего? — Данил растерялся и даже не снял куртку, прошёл на кухню так.

На столе Данил заметил и листовки, и плакаты, которые прятал в ящике стола.

— Звонили из школы, — сказала она.

Она сидела в темноте. Данил только сейчас заметил, что мама даже не переоделась после работы — так и сидит в юбке и блузке. В руках она мяла кухонное полотенце, которым вытирала глаза. Мама всегда плакала тихо. Сидит, голову чуть наклонит, в руках — платок. А если присмотреться — слёзы. Лицо неподвижно, замерло, никаких эмоций — только слёзы. Словно не от обиды или боли, а от чего-то другого. Бывает, человек плачет — и что-то сразу меняется. Мама плакала — ничего не менялось и не могло поменяться. Это были какие-то бессильные слёзы

Данил всегда боялся этого. Когда мама плакала, становилось жутко. Он не знал, что делать. Положил руку на плечо мамы — вроде как обнял. Сел на диван рядом. На маленькой кухне места для двоих почти не было. Посередине — слишком большой деревянный стол с толстыми ножками. У стены — диванчик, на котором можно спать, потому что он раскладывается. Двери на кухню нет — отец её снял, чтобы получилось больше места. Половину дверного прохода занимает холодильник.

От мамы почему-то пахло луком. Данил заметил рядом на диване мамин фартук — клеёнчатый, потёртый, весь в пятнах, которые уже не отстирать.

— Ты связался с кем-то? — спросила мама.

— Ни с кем я не связался! — раздражённо ответил Данил, которому вдруг стало особенно тесно в их квартире и захотелось уйти.

— А это откуда? — мама выронила плакаты и листовки, и они рассыпались по полу. Президент смотрел прямо на Данила, и тот невольно отвернулся.

— Друг дал.

— Какой друг?

— Ты не знаешь.

— И что ты с ними делаешь?

— Ничего. Храню.

Мама — невысокая, тонкая, белые длинные волосы волнами падали на плечи — была очень красивой раньше. И сейчас тоже красивая, несмотря на старую кофту и немодную уже юбку.

— Куда ты едешь всё время? Где бываешь? С кем? — спрашивала мама.

— В институт езжу.

— Я звонила в институт. Нет у них такой акции. И курсы все платные.

Данил молчал. Он не мог представить, что мама догадается позвонить туда.

— Значит, нет никакого института. И курсов нет. Только это. — Она посмотрела на листовки.

— А что в этом плохого? — Данил махнул рукой: — А, ты не поймёшь!

— Я никогда у тебя ничего не понимаю! Никогда мне не рассказываешь. Как отец. Уехал — и всё. Полгода нет. А где, с кем... Он, знаешь, что мне говорил? “Если помру, тебе скажут”. И ты так? Мне скажут?

— Мам, ну, не надо. Ну, никто не умрёт. Всё будет нормально. Ну, подумаешь, листовки расклеил.

— Но зачем?

Данил сжал руки в кулаки и сказал, отчеканивая то, что пытался сформулировать уже давно:

— Я не хочу так жить. Вкалывать за копейки, как ты и отец. Жить в квартире, где не развернуться. Мне даже Олю привести некуда! Нельзя так всю жизнь. Ты посмотри вокруг — другие имеют миллиарды и самолёты.

Мне отец рассказывал, как он строил дома на участке в несколько сот гектаров с собственным футбольным полем. Это разве справедливо, что у них всё это есть? За какие заслуги?

Данил ушёл в комнату, но мама пошла за ним.

— Нам просто не повезло.

Данил посмотрел на маму. Одна. Всю жизнь одна. Всю жизнь на работе. С отцом особо не разжиться было. Не ездили никуда, не ходили. Жила только для семьи, для него. Теперь весь остаток жизни работать — и опять для него. Чтобы он жил, учился, гулял.

— Обещай, что больше не пойдёшь туда, — сказала мама. — Мы найдём денег на институт. Накопим.

Из открытого секретного ящика виднелась фотография отца. Данил достал её. Отец — ещё молодой. Ещё до Данила. И даже до мамы.

Он вспомнил, что у отца были такие сильные руки, сильнее, чем у любого качка из фитнес-клуба. В детстве он мог висеть на них — и мышцы всё равно не разгибались.

Мама стояла в дверях его комнаты, всё ещё держа в руках мятое кухонное полотенце.

7

Алёна позвонила сама поздно вечером. Не написала, а именно позвонила. Данил от неожиданности даже не сразу узнал её.

— Можем встретиться? Давай у “Паблика”, только внутрь не заходи.

— Хорошо. Через полчаса буду.

Он быстро собрался, схватил сумку и побежал.

— Можно, я у тебя переночую?

Данил ошарашенно смотрел на Алёну.

“Почему у меня?” — первое, что хотел спросить он. Но слотнул и спросил:

— Что случилось?

— Долго объяснять. Суть в том, что меня засняли, когда я клеила листовки. И, кажется, фото попали в сеть. Мне уже обещали помочь, но надо переждать где-нибудь пару дней. Понимаешь, перед митингом лучше не светиться. Закрывают всех подряд на всякий случай.

— Понял. Но я с мамой живу.

— Она будет против?

— Нет. Просто у нас только две комнаты... В общем, если хочешь, я к другу пойду ночевать.

— Да ладно тебе, — улыбнулась Алёна.

Дома Данил представил её, но мама ничего не сказала, просто молча выдала полотенце и согрела ужин.

— Mam, я тебе потом объясню, — шепнул Данил.

Но та махнула рукой.

— Она на меня злится, — пояснил он Алёне.

— У меня с моими тоже не очень. Но они делают вид, что ничего не происходит, и надеются, что я выйду замуж и успокоюсь. Дашь свой комп? — Алёна села за стол Данила и открыла свою страничку “ВКонтакте”. Опять замелькали фото с акций, люди с плакатами, листовки, флаги. Данил уже так привык ко всему этому, что не представлял, как по-другому можно провести день.

Он перестелил диван, аккуратно разгладил простыню и надел на вторую подушку наволочку.

Данил смотрел на Алёну и на мгновение представил на её месте Олю. Как бы она сидела здесь, смотрела в его компьютер, ела мамин ужин, а потом бы ложилась спать на разобранный старый диван.

Алёна доела, молча взяла тарелку и понесла её на кухню. Данил услышал шум воды.

— Давайте я остальное тоже помою, — сказала она маме.

Данил почему-то прислушивался к их тихому разговору. Ему стало интересно, о чём они говорят, но он ничего не услышал.

Алёна пришла, выключила компьютер и, не раздеваясь, легла рядом. Легла ему на плечо, и Данил обнял её. Одной рукой укрыл одеялом и себя, и Алёну.

— Ты никогда не думал быть, как все? — вдруг спросила она.

— А как это? — ответил Данил не сразу.

— Иногда смотрю на своих сокурсников и думаю: стану, как они. Буду работать в газете, возьму ипотеку, буду получать тысяч пятьдесят. Буду копить на машину, потом на квартиру, потом ещё на что-нибудь, чтобы хоть что-то детям осталось. И так всю жизнь. А кто-то в этот момент будет проигрывать в казино несколько миллионов за вечер.

— Я бы так не хотел жить.

— А как ты хотел бы?

Данил повернулся и вдруг поцеловал Алёну. Она обняла его, и всё вокруг померкло: и его тесная квартира, и шум воды за стеной, и чьи-то миллионы — всё стало вмиг неважным. Данил прижимал к себе Алёну и не думал больше ни о чём.

Уже поздно ночью они тихо смеялись, ели холодные макароны прямо из кастрюли и слушали музыку. Потом так и уснули — с наушниками, оставив на полу кастрюлю и разбросанную одежду.

Утром Алёна уехала в институт. Данил проводил её до метро и опять опоздал в школу. Она зачем-то отдала ему свои наушники, поцеловала и исчезла.

Когда он шёл к третьему уроку, его догнала Оля.

— Ты совсем не появляешься, — сказала она.

— Да дела были. А ты тоже к третьему идёшь?

— Пойдём туда. — Оля кивнула на Белый дом, мимо которого они шли. — Не хочу в школу.

— А отец?

— Он уехал. Я же говорила — надо было просто переждать.

Данил курил, смотрел на выбитые окна и сломанные двери. Сейчас ему захотелось всё здесь переломать, выломать старые рамы, снести этот дом, проехать по нему катком и построить всё заново — дом, улицу, район, город. Он поднял валявшуюся под рукой палку и зачем-то бросил её в сторону дома. Она не долетела и упала около покосившейся двери.

— Что ты делаешь? — крикнула Оля.

— Мне надоело всё это! — крикнул в ответ Данил. — Я не хочу больше ждать, пока уедет твой отец. Ждать, пока подвернётся какая-нибудь подходящая квартира. И бояться, что кто-нибудь с большими деньгами понравится твоему отцу. Я живу вот так. Хочешь — живи, как я. Нет — значит, убирайся к чёрту!

— А при чём здесь я? Я не виновата, что у тебя нет денег. Почему это должно стоять между нами? Если ты меня любишь — какое это имеет значение?

— А если нет?

Оля замерла — она не ожидала такого ответа. Потом вдруг села на лавочку, опустила голову на руки и заплакала. Данил хотел подойти к ней, обнять, успокоить, но почему-то не решался. Он постоял немного, потом надел наушники Алёны, громко включил музыку и пошёл в противоположную от школы сторону. Оля что-то крикнула ему вслед, но он уже не слышал и не обернулся.

Всю следующую неделю Данил сидел дома, листая в интернете паблики оппозиционных групп. Многие из них были уже закрыты, и на компьютере то и дело мелькало: “Пользователь заблокирован”. Данил понимал — перед митингом, который готовился в эти выходные, полиция чистит всё, убирает активистов, которые могли бы спровоцировать толпу. Они все теперь были опасными преступниками. Алёна не выходила на связь, её страница “ВКонтакте” была заблокирована, и Данил не знал, что с ней и где она. На сообщения Оли он не отвечал и кричал на мать, если она заходила к нему в комнату и спрашивала про школу.

Вдруг в новостной ленте мелькнули знакомые красные волосы. Данил замер. Он отмотал ленту назад и посмотрел на фото. Сердце сжалось. Это была фотография Алёны, а под ней сухая записка:

“Елена Бочарова задержана по подозрению в подготовке несанкционированного митинга. Ей вменяется часть 1 статьи 20.2 КРФ об АП, предусматривающая административный штраф, обязательные работы или административный арест. При задержании не оказала сопротивления”.

Данил встал и прошёлся по комнате. Слова плыли перед глазами. Он вышел из дома и позвонил Диме. Тот взял трубку не сразу.

— Ты знаешь про Алёну?

— Знаю. Я её предупреждал, чтобы она не светилась.

— Что можно сделать?

— Сейчас слишком много всего навалилось. Да не переживай! Её выпустят, когда всё закончится. Я тебе точно говорю.

— А если нет?

— Слушай, сейчас все на измене. Не усложняй всё. Или ты боишься за себя?

Он бросил трубку и поехал в антикафе на Сретенском бульваре. Но дверь была закрыта, и вывеска убрана. Казалось, что никакого кафе здесь никогда и не было.

8

Митинг должен был начаться на Октябрьской.

Данил стоял в центре зала в метро, в кармане куртки он сжимал свой кастет. Было полно народу, но ему казалось, что он стоит один. Люди шли мимо. Данил видел свёрнутые плакаты в их руках.

Дима пришёл один.

— Такого шанса больше не будет, — говорил он быстро-быстро, пока они поднимались по эскалатору, — если получится сейчас засветиться, то всё, дело сделано, можно раскручивать свой паблик, даже свой канал вестей, всё, что угодно. Эта уже не Марьино, не Болото. Это настоящая борьба!

На эту борьбу они ехали не одни. Данил оглянулся — весь эскалатор был заполнен людьми. Мужчинами, женщинами. Совсем ещё девчонками и парнями постарше. Они уже не казались такими хмурыми, как в тот раз. Они улыбались, смеялись, шутили. Но Данилу казалось — как-то неестественно. Натянута и страшно. Точно смех от безысходности, когда человек знает, что это конец, но не верит.

Эскалатор кончился. Все пошли к выходу. Дима всё говорил и говорил. Данил ничего ему не отвечал. Вместе со всеми они вышли на улицу.

Люди толпились повсюду: у метро, в переходах, в сквере у памятника Ленину. Они ходили, стояли, сидели, говорили, молчали. Они были с плакатами, без плакатов, одни, группами, толпой. Казалось, целый город вышел на эту площадь. Люди стояли на балконах домов напротив. Кто-то пытался залезть на памятник Ленину и что-то кричать оттуда.

Полиция тоже была повсюду. Они стояли по периметру площади и вдоль оцепленной улицы. И тут же — машины. Автозаки или автозэки, как называл их Дима. Большая Якиманка перекрыта — по ней должна двигаться колонна. Данил убрал кастет в ботинок и прошёл через металлоискатель.

Встал в конце колонны, но конца ей не было, и за ним тут же пристроились новые люди. Колонна медленно двинулась. Двинулись флаги. Самые разные — красные, оранжевые, жёлто-чёрные, чёрно-красные, чёрно-жёлто-белые. Данил никогда не видел столько флагов сразу. Ему всегда казалось, что их ничего не может объединить. Но они здесь, вместе. Значит, что-то их объединяло.

Люди сегодня пришли разные. Старики шли под красными флагами. На одном из плакатов было написано: “Дождётся? Мне 77”. Мужчины и женщины помоложе шли с краю под чёрно-жёлтыми флагами. “Свободу политзекам!”, “Мы хотим жить!”, “Сегодня моё место — здесь!”...

Были и молодые. Они не шли под чужими флагами. Они несли свои. Они не кричали лозунги. Они пели песни. Они шли весело. Над всеми ними раздалось эхом: “Свобода, свобода...”

Но за всем этим неотступно следили другие — люди в форме. Их было гораздо больше, чем в Марьино. Они стояли напряжённо, молча, не переглядываясь и не переговариваясь. Руки за спиной, на боку — дубинки, на голове — каски.

Шли уже два часа. Останавливались, чтобы выкрикнуть лозунг. Потом шли дальше. Вдруг остановились надолго. Выкрикнули лозунг. Один, другой. Но дальше не двинулись. Толпу словно заклинило.

— Что такое? — спросил кто-то.

Толпа никуда не шла. Огромная толпа людей остановилась и стояла без движения.

— Что будем делать? — спрашивали друг у друга.

— Сидеть и ждать.

Кто-то действительно сел на асфальт. Кто-то стал петь песни.

Данил с Димой отошли в сторонку.

— Я пронёс файеры, — сказал Дима, — ты со мной?

— Почему вы кинули Алёну? — спросил Данил.

— Слушай, да что ты заикнулся? Ей говорили, чтобы она не лезла. Забей! Смотри, как круто вокруг!

— Это совершенно не круто! Она сейчас неизвестно где. Я даже не могу ей позвонить. И вы там ничего не делаете.

— Короче, ты со мной или нет?

Данил отвернулся, и Дима махнул рукой и скрылся в толпе.

Данил остался один. Люди стояли без движения, и обстановка накалялась — всем хотелось идти вперёд.

— Не пускают на сцену, — сказал кто-то тихо, но Данил был рядом и услышал, — перекрыли сквер, не дают аппаратуру, закрыли улицу.

Люди резко оживились.

— Что будем делать? — послышалось в толпе. — Сидячую забастовку?

Люди с ненавистью смотрели вокруг.

— Сколько можно! Даже выступить не дают.

— Да всё понятно. Никто и не даст.

Повисла тишина. Хвост толпы, ещё по инерциидвигающийся вперёд, стал напирать на тех, кто уже остановился; толпа сжималась всё теснее. Данил вжался в чужие спины.

— Остановитесь! Куда вы идёте? — стали кричать люди в толпу.

Но их никто не слушал — толпа продолжала напирать. Начало толпы по-прежнему никуда не двигалось, и люди сжались ещё плотнее. У кого-то оказался мегафон — и над всей толпой раздалось:

— Никуда не двигаемся! Оставайтесь на месте! Не напирайте вперёд!

Толпа вдруг замерла. Впереди явно что-то начинало происходить. Данил пытался разглядеть хоть что-то поверх голов людей, но видел только массу. И впереди, и сзади. Повсюду. Только по бокам — двойное железное ограждение и полиция в касках, со щитками и дубинками.

Отступать было некуда. В толпе начались недовольные крики. Стало страшно. Если бы сейчас началась давка — тысячи людей просто задавили бы друг друга.

— Идите назад! — крикнули в мегафон. — Все идём назад!

Но назад никто не пошёл.

— Вход на площадь перекрыт. Митинга не будет. Шествия не будет. Организовываем пикеты, — кричали в мегафон.

— Какие пикеты? — кричали в ответ люди. — Где наша оппозиция? Где наши лидеры?

Данил услышал над собой гул — прямо над ними летал вертолёт.

— Газ! — крикнул кто-то. — Они распыляют газ!

Кто-то закричал, кто-то побежал вперёд.

— Никакого газа нет! — кричал парень в мегафон. — Всё нормально! Просто стоим здесь!

Но просто стоять никто не хотел.

— Мы не уйдём! — теперь скандировали люди.

— Мы здесь власть!

— Под суд! Под суд! Под суд!

— Позор! Позор! — бросали в лица полицейских.

От Калужской площади до Болотной по Большой Якиманке стояли люди. На два километра. Люди, запертые со всех сторон, скандирующие лозунги и не собирающиеся уходить. Стоять спокойно в этом замкнутом пространстве, полном ненависти, было бесполезно. Данил оказался среди этих людей и чувствовал всю эту ненависть. Он достал кастет и сжал его в руке.

Было непонятно, что делать дальше. С той стороны — город. Здесь — оппозиция. Там, дальше, за площадью, — Кремль. Между ними — люди в касках, отгородившиеся щитами.

— Вперёд! — крикнул кто-то.

— Вперёд! — тут же подхватила толпа. — Это наш город! Это наша страна!

— Идём вперёд! Прорываем оцепление!

Тысячная толпа двинулась вперёд.

— Не надо идти вперёд! Там всё перекрыто! Стоят автозаки! Остаёмся на месте! — кричал мегафон.

Его уже никто не слушал. Масса двинулась. Данил прижался к чьей-то спине. Он понимал, что толпу не остановить, и он не сопротивлялся, шёл вместе со всеми, хотя уже ясно осознавал, что впереди — не Кремль. Впереди был ОМОН.

Люди ломались вперёд. Как ломались всегда, при любых правителях, если те допускали и не отвечали жестоко. Никто не видел, что происходит, но было ясно, что их опять отрезали от площади. Наконец, все, словно под действием какого-то несказанного слова, повернулись не вперёд, а в стороны. Туда, где всё это время плотной линией за ограждением стояла полиция. Данил тоже развернулся и сильнее сжал кастет. Несколько секунд они смотрели друг на друга — люди, замкнутые в этой дикой страшной давке, и полиция, охраняющая их от всего города. Через секунду они бросились друг на друга, смешались — и цветные спины людей было уже не отличить от серо-чёрных спин полицейских.

Данила отбросило в сторону — он отлетел, но удержался на ногах. Где-то рядом раздался женский визг. Данил ползком протискивался сквозь массу людей. Он уже не понимал точно — куда. Стало тяжело дышать, словно улицу заполнил какой-то едкий газ. Люди забирались на ограждения, перелезали через них, отбрасывали, словно щепки. Кому-то удалось прорвать цепь. Тогда полиция стала окружать людей группами, выхватывать по одному и оттаскивать в сторону.

Люди кричали. Женщины визжали. Было сложно понять, кто есть кто.

Рядом упало древко с флагом — белая звезда на красном фоне и чёрные слова, которые Данил уже не мог разобрать. Крики раздавались повсюду. Кому-то удалось прорваться и вырваться сквозь двойную блокаду. Кто-то уже лежал на асфальте. Кто-то пытался перелезть через ограждение. Кто-то прорывался вперёд. Кто-то — назад. Молодой парень оказался зажатым между двумя ограждениями. С одной стороны на него давила полиция, с другой — люди. Его рука, вся в крови, торчала в решётке.

— Не забудем, не простим!

Кто-то бросил файер. Повалил дым. Полетели бутылки. Данил не знал, куда бежать. Везде спины. Омоновцы по двое врывались в толпу, выхватывали людей, заламывали руки, отходили. Они шли гуськом, один впереди, другой сразу за ним. Остальные стояли, взяв друг друга под руки, образовав цепочку, которую и пыталась прорвать толпа.

Данилу захотелось закричать. Но не лозунги, а просто так. От страха. Но его крик среди всеобщего гама никто бы не заметил. Он отполз в сторону. Он понимал, что его затопчут, если он не будет двигаться, но двигаться было некуда. Он обхватил голову руками, жёсткий кастет, который он всё ещё держал в руке, жёг кожу, словно огнём. Данил то и дело замирал, пред-

чувствуя удар. Случайный — пробегающего мимо. Или специальный меткий удар берцем.

Завонил телефон. Незнакомый номер.

— Слушай, пацанёнок, я что-то не понял, ты бабки когда вернёшь? Уже пять косарей накапало, пока ты бегаешь. Мне что, мамку твою навестить?

Это был Тимур — Данил узнал его сразу.

— Мать не трогай, — ответил он, задыхаясь. — Я отработаю.

Мама.

Она сидит обычно на диване на их кухне, вечно грязной, тёмной, маленькой, узкой — делает салат и пьёт кефир — потому что ничего другого ей уже нельзя из-за плохого здоровья. Переключает каналы на телевизоре, пока не найдёт какой-нибудь сериал. В халате. Тоже грязном, застиранном — некогда купить новый, некогда перестирывать, некогда убраться. Всё некогда. Некогда вызвать сантехника и починить кран. Ничего не успевает. А поздними вечерами, когда приезжает из своей Балашихи, сидит и переключает каналы.

Мама.

Он вспомнил, как первый раз увидел её плачущей. Это было, когда умер отец. Он умер не так, как она боялась и предчувствовала — не один, на неизвестном объекте, а дома, в своей квартире. “Скорую” вызвал Данил. Отвезли. А через час его не стало. Данил был с ним в больнице. Мама — на работе. Он вернулся домой. Стал её ждать. Мылся на кухне, пока мама разувалась.

— Mam, тут случилось, — начал он.

Она сразу догадалась, бросила сумку. Данил никогда раньше не видел, чтобы она плакала. А тут... Он даже испугался.

— Ну, мам, ну, ладно, ну, не плачь, — говорил он.

А сам ходил по маленькой квартире и что-то искал — то ли валерьянку, то ли ещё что. А мама всё плакала.

Тогда он ненавидел отца. Он умер, он их бросил, ему было уже всё равно. А мама была живой, и она плакала.

Данил снял и отбросил кастет, взял телефон, нашёл номер мамы — он хранился в избранных.

— Даня, ты где? — сразу спросила она, точно чувствуя что-то. — Я у Оли дома. Она говорит, что ты не отвечаешь на её сообщения, а в новостях передают про какой-то митинг. Что случилось? Ты не там?

— Нет, я в метро. Всё нормально.

— Даня, что происходит?

— Мама, — он услышал, что она плачет, и у самого вдруг навернулись слёзы. — Прости меня, мам. Всё будет хорошо. Я всё решу. И с институтом тоже. Я что-нибудь придумаю. Я сейчас приеду.

Он положил трубку. Но идти было некуда. Вдруг он заметил маленький проём между двумя заграждениями. Видимо, кому-то всё-таки удалось прорвать цепь. К этому проёму уже протискивались с разных сторон. Данил понимал, что у него есть всего несколько секунд. Он вскочил на ноги, подскочил к этому проёму и исчез из толпы. Он бежал, спотыкаясь, но не останавливаясь и не оборачиваясь.

А где-то бежали люди, дрались люди, кричали люди. Прорывались вперёд.